

Боевая фантастика (АСТ)

Сергей Мельник

Попаданец: Возвращение

«АСТ»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мельник С.

Попаданец: Возвращение / С. Мельник — «АСТ»,
— (Боевая фантастика (АСТ))

Злокозненный рок не оставляет барона Ульриха в покое. Сбежавшая принцесса оказывается у него на руках, в то время как по городу рыщет смерть, порожденная черной магией. Как справиться, если некромант плетет паутину своих интриг, правящая династия королей под ударом мятежников, а королевство пожирает кровавая смута? И непонятно, удастся ли во всех этих событиях сохранить свою голову на плечах...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Мельник С.
© АСТ

Содержание

Часть 1. Сила любви	6
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Мельник

Попаданец: Возвращение

Оформление обложки Владимира Гуркова

© Сергей Мельник, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Часть 1. Сила любви

Скоротечное лето на исходе. Странное дело, зима всегда длится и длится, и кажется, что конца и краю ей нет, а лето, закрыл на секундочку глаза, и пролетело, словно его и не было никогда. Все три месяца меня не выпускали из дворца. Я составил для обеих из заинтересованных сторон все необходимые для подписания пакеты документов, тщательно разжевав всем советникам и казначеям по пунктам, что и где, а тем паче для чего описано и оговорено. Но я, как птичка в золотой клетке, не волен был покидать дворец до подписания двухстороннего договора между империей и королевством. Все ждали императора с его свитой. Соответственно, я тоже. Увы, но деваться некуда, вокруг меня денно и ночью дежурило с десятков магов из личной гвардии короля, ну и пяток-другой специалистов разного жанра от господина верховного мага, Нильса Ваггета.

Все как-то прищурившись смотрели на меня, видимо подозревая во всем и сразу, а я изнывал от тоски и уныния, медленно перебирая тягучие мысли в своей голове, о странностях и перипетиях в своей нелегкой судьбе.

Дни напролет я ел виноград, метал вилки в портреты великих деятелей прошлого, читал, фантазировал и играл в шахматы...

Хотя последнее время в шахматы я играл в рыцарском шлеме. Когда-то по простоте душевной я считал, что только я могу расстраиваться, проигрывая, пока в моей жизни не случилась ОНА. Высокая, с острым носиком, которым, казалось, можно было лимон на дольки порезать, и безумно глубоким взглядом, чистым, не замутненным налетом человеческой низменности взором.

Юное прелестное и чистое душой, хоть и избалованное до безобразия существо. Знакомьтесь – ее высочество принцесса Катрин, собственной персоной сидит напротив меня, от усердия мысли высунув кончик языка и распаляясь из-за сложных шахматных комбинаций.

Бздым!

Она засветила по моему шлему сложенным веером.

– Вы мухлюете, барон! – Губки поджаты, глазки сверкают. – Где, я вас спрашиваю, моя ладья?

– Позвольте. – В свою защиту я тут же выдвинул вперед листик бумаги, где под каждым ходом, во избежание уже миллионного обвинения в мой адрес, стояли наши подписи. – Вот, пожалуйста, мой конь ест вашу ладью ровно три хода назад.

– Это не оправдание вашему коварству! – В подтверждение весомости своих слов она еще раз стукнула по кастрюльке моего шлема. – Сознайтесь, вы коварно все это продумали, чтобы я вас ударила?

– П-п-ф! – В такие моменты я обычно так и отвечал на ее сумасбродство. Принцесса была немного старше меня, но вот как была ребенком, так по сути им и оставалась, совершенно не желая меняться.

Красивая, что ни говори, девушка, от папеньки ей достался командный голосок, слышимый за версту, немаленький рост и немного крупные для девушки кисти. Да уж, сразу видно – папина «доча», у папули кулачищи были с мою голову каждый, и орал он, блуждая по дворцу, как иерихонская труба, пинками расшвыривая мебель и зазевавшихся слуг. Тому же принцу Паскалю гораздо больше досталось от маменьки, уравновешенной, строгой женщины, говорившей всегда тихо, а главное, по делу, а не ради того, чтобы просто поорать, сим возвестив благую весть твоего явления народу.

– Сестрица, прекрати бить нашего друга барона. – Паскаль также принимал участие в наших посиделках, правда, в играх не принимал участие, проводя это время, как правило, в кресле за чтением книг.

– Мой друг, хочу бью, хочу милую! – Она сверкнула на братца своим пылающим взором. – И вообще я девушка, мне можно!

– Когда же тебя уже замуж отдадут? – Печально закатил глаза принц, тут же втянув голову в плечи, так как над ним со свистом пролетела ваза с фруктами.

– Куда?! – Я запоздало вытянул руку, так и не успев перехватить разлетевшуюся по комнате виноградную кисть. – Ну, ваше высочество! Разве так можно?

– А пусть прекратит мне про замужество! – Она подскочила с места, топнув ножкой. – Сам вон, стыдоба, бежит к своей имперке худородной, и меня хочет куда-нибудь сбегать!

Это было жестоко с ее стороны. По лицу Паскаля можно было прочесть крайнюю степень неприятия сестры в данный момент. История тут и вправду какая-то расплывчатая получалась. Нашему принцу было уже примерно лет двадцать шесть – двадцать семь, не женат, но не для кого не секрет во дворце, с недавних печальных событий, случившихся на зимнем балу, его сердце принадлежало одной даме, всецело и без остатка.

Я знал, кому, и от этого мне становилось как-то неуютно. Даже не знаю, возможно, где-то внутри я чувствовал себя ответственным за эту встречу. Дамой сердца нашего принца стала госпожа Генриетта Ван Шегуэр, вдова того самого имперского посла, из-за жизни и смерти которого случилось так много неприятных вещей в моей жизни и на большой политической арене этого мира. Генриетта не вернулась домой, вместе с дочкой она получила негласный патронаж от принца Паскаля, оставшись здесь во дворце. Не знаю, обоснованно или нет, но похоже, она считала, что на родине ее ничего хорошего не ждет. Ну да бог с ней, это ее мысли и ее голова, женщина она разумная и без царских амбиций, думаю, все, что ею двигало и движет на данный момент, это забота о своей маленькой дочурке. Ну а принц... Не знаю, тут все гораздо хуже, он ведь формально уже обручен с какой-то принцессой, которую, насколько я понял, он видел лишь единожды по присланному послами портрету.

Ох уж эти мне дворцовые страсти. У них вся семейка, начиная от бабули с большим и пламенным приветом, – сплошные скандалы, интриги, расследования. Глядя на Катрин, можно себе представить страсть в душе юной Вальери, пожалуй, по темпераменту это две родные огненные стихии. Надеюсь, принцесса не сильно будет бить в будущем своего короля. Хотя бы не как бабуля, без членовредительства и летального исхода.

– Ваши высочества! – Дверь открылась, пропуская внутрь подтянутого старичка лакея. – Прибыла делегация имперцев, через полчаса вас ожидают в приемном зале!

– Йе-х-у! – Принцесса, взметнув веер юбок, на сверхзвуковой скорости вылетела из комнаты, считая все на своем пути, вроде досадных помех в лице двух дюжих парней гвардейцев, и чуть не затоптав старичка слугу. Опасно, опасно, ребята, находиться на пути женщины, следующей к новому красивому платью, в котором она будет красоваться перед целой иностранной делегацией.

– Ох, и непоседа. – Мы вместе с Паскалем помогли старичку подняться с пола. Честно скажу, глядя на него, могу со всей ответственностью заявить: из него получится в будущем куда как толковей правитель, чем из его папочки. – Вы, барон, надеюсь, составите мне компанию на встрече? В конце концов, это ведь вашими стараниями мы выходим на этот уровень переговоров, вы обязательно должны быть.

– Всенепременнейше, ваше высочество, – улыбнулся ему я, снимая с головы уже не нужный тазик рыцарского шлема. – С удовольствием составлю вам компанию.

Мы вежливо раскланялись, после чего я остался в гордом одиночестве, если не считать гвардейцев у двери, но к этой мебели на двух ногах я уже привык. Пройдя к своему рабочему столу, сажусь в кресло, в очередной раз разворачивая письмо, пришедшее из усадьбы, отчего слегка затухшее чувство тревоги вновь всколыхнулось во мне волной плохих предчувствий.

Странный визит де Тида в мой дом пугал меня неясностью своих мотивов, а также остро кольнул сердце тревогой за близких мне людей и тех, что ими когда-то были. Граф чудом выжил, нужно при встрече пожать ему уважительно руку, он в одиночку разорвал на куски дюжину своих подопечных, что, словно обезумев, бросились на него. Все-таки «папочка» у них матерый зверь, не знаю, на что рассчитывал де Тид. Но граф хоть и в не лучшей форме, но по-прежнему жив и остается моим негласным управляющим в загородном особняке. А вот Ло... Маленькому монаху пришлось куда как хуже. Даже помыслить не берусь, с чем этот малыш мог столкнуться. По словам графа, на теле монаха нет живого места, мой учитель боевых искусств лежал третью неделю неподвижно, не в силах даже пошевелиться, а лучшие лекари, чьи услуги я смог купить в городе, день и ночь не отходили от его постели. Правда, в письме граф жаловался на то, что монах, периодически приходя в себя, начинал улыбаться, утверждая, что о лучшем и мечтать не мог, и если у Ули-Ри есть хотя бы еще один такой враг, он будет самым счастливым человеком во всем мире. Далее я соглашался с графом, подозревая сильнейшую травму головы у монаха, ибо в здравом уме о подобных перспективах на будущее вряд ли кто здравомыслящий может мечтать. Побарабанив пальцами по столу, я отложил письмо Десмоса, беря в руки другое послание, пришедшее от сестер Хенгельман. Которых уже я в свою очередь просил пройти по дому, дабы проинспектировать его на случай всяческих подлянок от неожиданного гостя, все же, как ни крути, а они одного поля ягоды, а в то, что де Тид просто так заглянул на огонек, верилось с трудом. Что-то ему было нужно, и что гораздо печальней, боюсь, он получил все, что хотел. За время нашей короткой встречи я прекрасно успел осознать всю холодность натуры герцога, это уже далеко не человек, в привычном для нас значении этого слова. Это нечто за гранью, его невозможно просчитать и спрогнозировать, что бы он ни затевал, а я еще тысячу раз прокляну тот день, когда впервые перешел ему дорогу.

«Ульрих, – писала Априя Хенгельман. – Мы с сестрой прошли дом, видимых операций с некротикой не проводилось, что бы в доме ни делал де Тид, мы этого не узнали. Все чисто. Однако расслабляться не стоит, убиты оба кракена, мы смогли спасти частичку одного из них, но на процесс его восстановления уйдут годы. Самое неприятное это то, что вскрыты оба хранилища гончих, именно в этом вопросе мы с сестрой видим наиболее вероятную угрозу тебе. Здесь что-то произошло, мы видим отголоски мощного заклинания, но что это было, нам уже не разобрать. Это странно, Ульрих, но мы со всей ответственностью можем утверждать, что одна из гончих сожрала вторую, пока та была в спячке, а потом покинула дом, покинула свое хранилище. Как ты наверняка понимаешь, подобное просто невообразимо, этого просто не может быть, но, однако, это именно так. Гончая не может жить без своего хранилища, максимум сутки, ну может двое, после чего идет необратимый распад ее организма. В этих созданиях установлен жесткий контроль подчинения, и на инстинктивном уровне установлено возвращение по внутренним часам к своим резервуарам. Почему вторая тварь сбежала, мы не знаем. По идее, это чистое самоубийство, даже если допустить, что каким-то образом нарушена связь с посохом подчинения, нам сложно ответить, что же в действительности стало со зверем. Мы с сестрой вторую неделю обходим окрестности, нет ни малейшего намека на сбежавшую тварь, нет ни следов, ни слухов, ни тем паче, чего стоило бы ожидать, тела разлагающейся твари.

Так не бывает. Поверь нам, старым, что-то происходит, что ускользает от нашего взгляда, все это неспроста. По словам графа, де Тид уходил пешком, так что зверя он с собой не брал, да и сложно себе представить, зачем ему ломать уже готовое оружие, обрекая его на смерть, проще было бы провести обряд подчинения, с теми же кракенами он совершенно не церемонился.

Мы пока побудем в твоём доме, проведем ещё ряд действий, но боюсь, ничего утешительного не скажем. Будь осторожен, мальчик, будь очень осторожен, мы банально можем не понимать общей картины происходящего, у тебя могущественный противник, это даже близко не наш уровень. Береги себя.

М. и А. Хенгельман».

– Господин барон. – В дверь после вкрадчивого стука заглянул слуга. – Вас ожидает его высочество принц Паскаль.

– Иду, любезный. – Я сложил письма, жестом руки отпуская слугу и выходя из покоев.

– Барон, это что такое?! – Вместе с Паскалем меня встретила Катрин, широко округлив глаза. – Я вас спрашиваю, это что такое?!

– Ваше высочество? – Я немного сконфуженно огляделся по сторонам, не находя причины её беспокойства.

– Вы почему не переоделись? – Она нахмурила брови.

– Зачем? – Я недоуменно уставился на принца.

– Вы на него не смотрите! – Топнула ножкой юная прелестница. – Мой братец известный ханжа, посему может себе позволить в одном и том же появляться как с утра, так и к обеду, но о вас я была лучшего мнения!

– Что с ней? – Мы с Паскалем проводили гордо выпрямленную спинку его сестры, не оглядываясь, скорым шагом удаляющуюся от нас.

– Женщины. – Пожал плечами принц. – Что тут ещё сказать?

– М-да. – Я последовал за принцем, подстраиваясь под его шаг. – Не подскажите, ваше высочество, чего ожидать на приеме?

– Нуть, муть, бла-бла-бла речи и море фальшивых улыбок, – улыбнулся мне он. – Ничего особенного, ну разве что оценим с вами новое тело императора.

– Вы в курсе? – Я удивленно уставился на него.

– О, я вас умоляю, барон. – Он отмахнулся рукой. – Я без малого уже скоро тридцать лет в этой семье, для меня все эти марьяжи папеньки с бабулей как кость в горле. Меня больше удивляет, откуда вы в курсе самой сокровенной тайны нашей фамилии.

– Мне пришлось, если помните, быть невольным участником того зимнего бала, – несколько сконфуженно произнес я. – Там, собственно, мне и довелось коснуться всего этого, причем напрямую через... э-м-м...

– Дедушку? – Он тихо рассмеялся. – Да, папенька моего папеньки презанятнейшая личность.

– Да уж. – Я невольно сжал кулаки при мысли об императоре.

– Сколько себя помню, он практически всегда незримой тенью нависал над нашей семьей. – Паскаль задумчиво покачал головой. – Сложная личность. Мы иногда общались, я по молодости не понимал этого, просто неувловимо что-то менялось в людях, которых я знал всю свою жизнь. Мои мягкие учителя-наставники вдруг приобретали сталь во взгляде и говорили странные, тяжелые вещи. Знаешь, барон, он весьма и весьма умен и дальновиден, я многое смог почерпнуть из наших с ним бесед.

– Ваше высочество. – Я покачал головой.

– Да, барон? – Он внимательно на меня посмотрел.

– Если вы когда-нибудь в будущем меня спросите, – я вежливо склонил голову, – то знайте, больше половины из того, что он вам наверняка говорил, стоит немедленно выбросить из головы и забыть, так как более опасных, холодных и жестоких людей мир наверняка ещё не знал.

– Наверное, я вас понимаю. – Он покивал своим мыслям. – Правда, открытым остается весьма существенный вопрос, а человек ли он вообще?

– Хороший вопрос, ваше высочество. – Хмыкнул я. – Хороший...

Мы вошли в приемный зал, где герольды бегали взмыленные, пытаясь расставить всех, согласно занимаемым должностям и статусу. Не знаю, на счастье или нет, но принц властным поднятием брови отогнал от меня всю эту шушеру, установив мою скромную персону непосредственно рядом с собой по правую руку. С одной стороны, вроде как приятно, с другой стороны – сразу же ощущаешь на себе целую кучу колючих взглядов стаи товарищей, что, несомненно, не в курсе того, какого, спрашивается, лешего какой-то сопляк удостоен милости стоять у левой пятки любимого господина.

Я тяжело вздохнул, похоже, из сидячих мест сегодня предусмотрены лишь два трона, для его величества и его королевы, остальным придется все это беспутство мировой политики вынести на ногах.

– Начинается, – тихо шепнул мне через плечо принц. – Давай натягивай лучшую свою улыбочку.

– Еще чуть-чуть натяжки – и лицо по краям разорвется, – тихо, так же шепотом ответил я.

От дверей взревели трубы, слуги расшаркались ножками и замахали цветными знаменами, после чего створки наконец-то раскрылись, пропуская внутрь так долго ожидаемых гостей. На мое удивление, первым в зал вошел не император, а огромный бритоголовый мужик, чье лицо словно паутиной пересекали сотни больших и маленьких шрамов. Широкие мощные плечи, строгий черный наряд, расшитый серебряной нитью, и пусть несколько аляповато выглядывшая из-за множества фигурных блях, но вполне ноская и функциональная разгрузка, перетягивающая грудь и торс здоровяка. Ого! А я ведь видел подобные наборы ремней, точные копии носили рейнджеры империи, похоже, дядечка серьезен, как нож у горла.

– Татум Герд Шредерграм! – объявил мажордом, от дверей продолжая выкрикивать еще какие-то титулы вояки.

– Это армия империи и ее разведка, во всей своей красе, барон, – все так же шепотом просветил меня принц. – Если хотя бы половина слухов о нем правда, то бабушкин цепной пес Гербельт по сравнению с ним скромная четырнадцатилетняя послушница храма, видевшая мужчин лишь на картинках в книжках.

– Жуткий тип, – выдал я свое резюме Паскалю.

– Нет, – едва качнул отрицательно тот головой. – Сейчас приготовься, вот кого стоит бояться.

– Танис Ром Вапорт! – произнес объявляющий гостей, а я в ожидании монстра глупо растянулся в лице.

В дверь, слегка прихрамывая и опираясь на черную резную тросточку, вошел седой и сгорбленный, сухой, как палка, дедулька с гладко выбритым лицом и необычайно живым и умным взглядом.

– Вот, Ульрих, вот как выглядит самый опасный человек на той оконечности света, – тихо рассмеялся принц. – Кстати, ты не знаком случайно с самым опасным человеком с этой оконечности?

Принц едва заметно повел кистью в сторону короля, где по его правую руку стоял высокий беловолосый мужчина с резким хищным профилем и льдом глубоких умных голубых глаз. Хм. Удо Вилькс, держатель всей королевской казны, ну и министр финансов заодно, кажется, я понял, на что намекает Паскаль. При явном физическом отличии в них чувствовалось какое-то внутреннее родство. Не знаю, как это описать, что-то неразличимое, но нечто тяжелое чувствовалось, когда подобные люди смотрят на тебя. Сразу сознание рисует щелчок кассового аппарата, бегут нолики, циферки, и ты понимаешь, что «уплочено», цена на тебя поставлена и уже сведены все составляющие в сводную месячную отчета.

– Б-р-р-р, – шепнул я. – И вправду кожей ощущаешь при взгляде на них неимоверную хитрожопость внутри каждого.

– П-ф-ф! – Паскаль попытался сымитировать кашель, душа в кулак накативший смех.

– А ну-ка прекратили оба! – зашипела на нас Катрин, стоящая чуть в сторонке. – Ведете себя, как малолетние балбесы!

Остальных гостей мы уже не обсуждали, так как пристальный взгляд принцессы небезосновательно не отрывался от наших персон, суля как минимум обоим пару затрещин вее-ром по шее. Страшное оружие в руках женщины веер, почти как скалка у любящей жены.

Напоследок я чуть не оглох от труб и прочих дуделок, когда герольды протрубили заход в приемный зал венценосного, ужасного и непобедимого Дарта Вейдера. Шутка. Естественно, под декламацию многочисленных титулов, званий и прочих громких слов последним к нам пожаловал император во всей своей красе.

– Паскаль! – От изумления из меня напрочь вылетели все манеры.

– В чем дело? – Принц удивленно повернулся ко мне.

– Это кто?! – Я невольно схватился за сердце.

– Император. – Он недоуменно пожал плечами. – Кто же еще?

– Это же женщина! – Я с трудом сдержался, чтобы не перейти на полный голос. – Как император стал женщиной?!

В зал в окружении миловидных фрейлин, придерживая длинный шлейф ажурного подола платья, всплыла снежная королева собственной персоной, в лучших традициях всех стереотипов. Высокая, сухая фигура, прямая спина, открытая шея и вздернутый острый властный подбородок с колючим взглядом неимоверно мудрых и от того холодных глубоких глаз.

– Что значит как? – Паскаль уставился на меня как на недоумка. – Вообще, насколько я помню историю этого мира, императорами всегда становились женщины в их роду.

– Но... но... – Я тупо вертел головой по сторонам, не находя слов.

– Видел бы ты сейчас свое лицо. – Принц вновь с трудом удерживал свой смех. – Катрин, глянь на него, его, по-моему, сейчас паралич разобьет, или будет тут в припадке по полу кататься.

– А в чем дело? – Принцесса испуганно посмотрела в мою сторону. – Он белый, словно его мелом обсыпали.

– Он думал, император мужчина, – веселился принц.

– Почему? – Расплылась в улыбке его сестра, обдумав услышанное и еще раз взглянув в мою сторону.

– Видимо, ему не совсем ясно, как у нашего папы может быть две мамы и ни одного отца. – Паскаль с трудом сдерживался, щипая себя за руку, чтобы успокоиться. – Ой, не могу, я сейчас помру, ты только глянь на него!

– П-ф-ф-ф! – Они на пару принялись тщательно имитировать внезапно накативший кашель, прикрывая рты руками.

А мне было не до них. Мне внезапно стало абсолютно наплевать на принцев и принцесс, на всю эту придурочную королевскую семейку с их загадками, тайнами и прочим беспутством. Мне в один миг стало наплевать и на императора со всем миром разом, потому как мой взгляд упал на скромную молодую девушку, идущую за спиной этой властной женщины. Я смотрел, не в силах отвести взгляд, на ее аккуратно подобранную и опущенную головку с двумя изумрудами проникновенных глаз, что, казалось, проникали своим каким-то волшебным светом прямо ко мне в душу.

«Привет, – хотелось мне, глупо улыбнувшись, сказать ей. – Знаешь, а я скучал».

Но я молчал, чувствуя, как горечь внутри меня подкатывает к горлу. Это она, это та самая, та милая и... близкая моему сердцу девочка-ромашка.

* * *

Где-то на далеком юге, под ласковый шелест южного моря, в мерный такт волн по прибрежной гальке тяжело ступал мужчина. Ночь. Россыпь звезд и тяжелое зрелое тело полной луны. Он шел, явно с трудом опираясь на подраненную и еще не зажившую ногу, а одна рука бездейственно висела на перевязи, притянутая к груди.

– Леофоль Лаурикан, – мелодичный мягкий женский голос колокольчиками коснулся его слуха, заставив вздрогнуть и остановиться. – Время было немилосердно к тебе, дефеник Темной Ели.

– Время. – Мужчина медленно повернулся, от чего мерцающий лунный свет осветил его лицо, через которое растяжкой шла повязка, закрывающая один глаз. – Время нас калечит, и оно же нас лечит. Здравствуй, Тайшана.

– Здравствуй. – За его спиной стояла чудная фигурка миниатюрно-утонченной женщины, в легком, не скрывающем плеч воздушном платье, играющем подолами на едва ощущаемом ветру. Красивый обвод ткани платья ног оканчивался россыпью серебряных звезд на черных бархатных сапожках с высоким каблуком.

– Лео... – Маленькая хрупкая ручка коснулась его щеки.

– Тай... – Он закрыл глаз, нервно сглатывая подкативший к горлу ком.

– Мудак! – Маленькая ручка, секунду назад нежно гладившая его щеку, злой крапивой звонко обожгла его пощечиной.

– Прости... – Его голова дернулась от удара, но он не смел взглянуть на нее.

– Никогда... – Выдох у нее получился сдержанно-эмоциональным, словно ей пришлось душить в себе тяжелую обиду. – Даже молить не смей.

Они молчали, лишь мерный вал мягких волн, гоняющий камни по пляжу, неверный свет мириад звезд и стук двух сердец, впервые или может быть вновь по истечению сотен лет бьющихся друг с другом в унисон.

– Кто? – Она дрожащей рукой коснулась его подбородка, повернув слегка голову и рассматривая повязку на лице.

– Тид. – Он поджал губы. – Отец клана просит тебя, Дочь Луны, оказать нам любезность в своей милости.

– Не ты? – Печальная улыбка коснулась ее уст. – Меня просят все, но не ты, Лео...

– Прости... – Вновь сглотнул он.

– Никогда! – Очередная пощечина вновь заставила его замолчать. – Не смей, Лео! Не смей!

Она прильнула к его груди, а он бережно стал гладить ее роскошные черные волосы, спадающие вниз каскадом по спине. Время застыло, остановив свой бег в замешательстве, ибо оно уже слишком давно не видело, чтобы льесальф с такой любовью касался дьесальфа, не боясь презрения со стороны своих же соплеменников. Это было удивительно и позабыто-ново, отчего казалось миражом и злой насмешкой иллюзии зыбкого предрассветного тумана.

– Скажешь отцу. – Она нехотя отпрянула от него, разворачиваясь спиной. – Взамен вы впусите нас в королевство.

– Скажу. – Он с болью смотрел, как она медленно удаляется, истаивая в ночи. – И помни, Тай, он должен умереть!

– Вы многого просите, дети солнца... – донесся до него уходящий голос из ночной тьмы. – Скажи, ведь мы могли?

– Нет, – одними губами произнес он, опустив голову. – Не могли, Тай, не могли.

* * *

– Что за срань? – Ганс Гербельт опасливо втянул носом запах, исходящий от дымящейся пиалки, преподнесенной ему Нильсом Ваггетом.

– Это не срань, Ганс. – Ваггет наморщил нос. – Это тайбичи-моа, высокогорный чай из империи Мао. К твоему сведению, его обязаны по велению императора Поднебесной собирать обнаженные девственницы, не старше двадцати лет, причем все это происходит в ночь полнолуния, и щиплют листочки они не руками.

– Да иди ты? – Ганс изумленно уставился на верховного мага.

– Я и пришел. – Ваггет расплылся в улыбке, задумчиво разглядывая просторный кабинет главного стража короны, с удовольствием погружаясь в массивное кожаное кресло. – И должен тебе сказать, весьма удивлен твоим желанием меня лицезреть.

– Бучи-мура? – Тучный Гербельт вертел в руках пиалу с дымящимся взваром, все еще не решаясь от-пить.

– Тайбичи-моа, – поправил его маг, с удовольствием поглощая свою порцию.

– Нужно запомнить. – Ганс все же пригубил немного, покатав горькую терпкость во рту, сразу не проглатывая, дабы ощутить полный букет напитка. – Дорогой?

– Бесценный. – Ваггет приглушенно рассмеялся. – Узнай кто-то в империи о том, что мы делаем, по моим прикидкам, в тот же день должны будут умереть минимум тысячи две, может три, человек разом.

– М-м-м-м! – Гербельт залил в себя остатки чая, тут же потянувшись к пузатому «заварнику» за добавкой. – Ценю, Нильс, прямо порадовал ты меня.

– Да вот сам уже жду случая пару лет попробовать, да все никак повода не найду. – Маг поерзал в кресле. – Вот и подумалось, чем не повод? В конце концов, когда мы с тобой вот так вот встречались последний раз?

– Хм. – Гербельт откинулся на спинку кресла, расслабленно вытянув перед собой ноги. – Дай подумать. Пожалуй, лет десять-пятнадцать назад, помнишь, когда в город по канализации залезла к нам мантикора?

– О да! – Ваггет улыбнулся своим воспоминаниям. – Она тогда мне пятерых старшекурсников, что я тебе выделил, сожрала.

– А у меня сколько бойцов сгинуло в тех катакомбах, и не упомянуть! – Ганс отсалютовал магу своей пиалкой. – Эх, было же времечко!

– Ну, сейчас, хочу тебе сказать, тоже не самые радужные времена. – Ваггет покачал головой. – И если я правильно понял твое приглашение, речь не идет о последних событиях с городским коллапсом, что нам устроил демон?

– Нет. – Ганс Гербельт подобрался, переходя на более серьезный тон. – Эту кровавую эйфорию безумия мы не менее кроваво удавили в зародыше.

– Ну, нет худа без добра. – Маг пожал плечами. – Эта грязь первого кольца была нарывом на теле города, по крайней мере, вы порядком там навели шороху, прижав местных бандитских королей.

– Это да. – Гербельт вновь приложился к пиалке. – Звучит паскудно, но на законных основаниях мы тупо смогли вырезать уйму народа.

– Не забивай голову и сердце моральными аспектами, Ганс. – Ваггет прищурившись следил за своим собеседником. – При наших с тобой должностях не думают о тех, кто ворует хлеб на пропитание, мы думаем только о тех, кто еще не ворует, дабы они как можно дольше смогли оставаться в статусе респектабельных членов общества.

– М-да. – Ганс закусил губу, уставившись невидящим взглядом куда-то в стену. – Что-то опять не так с этим первым кольцом, Нильс.

– Не понял? – Маг отставил в сторону свой чай, подавшись вперед к собеседнику. – Что-то конкретное?

– А вот это уже ты мне скажи. – Гербельт с трудом поднялся, подходя к своему массивному столу и поднимая с него целый ворох писем. – Значит, смотри. Бунт, назовем его по официальной версии так, подавлен, народ запуган и жметесь по углам. По моему настоянию еще на два месяца продлено патрулирование улиц армейскими подразделениями, все, кто там когда-то что-то могли собой представлять, мертвы, ну или дописывают свои последние слова биографии под диктовку моих палачей в застенках.

– Однако же? – кивком продолжил за него Ваггет.

– Однако. – Гербельт сморщил нос. – Слово-то какое глупое. В общем, по моим доносам там, в первом кольце, кто-то неведомый мне продолжает обильно плодить покойников, несмотря ни на что, оставаясь незримым моему всевидящему оку.

– Эти нищие всегда друг дружку убивали. – Маг пожал плечами. – Тебе что с их смертей?

– Ну-у-у... – Толстяк, словно хитрый кот, расплылся в довольной улыбке. – Убивать это одно, а вот потроха выедать после этого своим жертвам это, знаешь ли, немного беспокоит.

– Немного? – Маг вскинул бровь, побарабанив пальцами по подлокотнику кресла.

– Разве что самую малость. – Гербельт вернул собеседнику такую же вскинутую бровь. – За месяц шестнадцать покойников с выеденными животами. Я сейчас активировал службу, чтобы порылись глубже, так сказать, по времени нашли отправную точку отсчета этих жмуриков.

– И? – Маг слегка наклонил голову.

– И пока получается, что все началось примерно месяц спустя, после того как упокоился демон. – Гербельт тяжело протопал назад к креслу, шумно опускаясь в него и протягивая магу свои бумаги. – Бери, смотри, ищи. Демоны, выеденные покойники и прочая ересь – это по твоей уже части, так что не затягивай и давай ищи супостата, а то он мне всю месячную статистику по преступлениям портит.

– Как нехорошо с его стороны. – Покачал головой маг, бегло просматривая первые листки докладов. – Так-с. Ясненько, понятненько, хм...

– Что? – Ганс с любопытством следил за магом.

– Заметил, все покойнички жмутся примерно к одним и тем же улочкам? Нет разброса по кругу, все примерно найдены в пяти-шести километрах друг от дружки. – Маг потряс теми отчетами, что уже успел прочитать.

– Ты меня что, вообще, что ли, за дурака принимаешь? – Толстяк насупил брови.

– Извини. – Ваггет улыбнулся. – И что же ты предпринял?

– Последний отчет. – Толстяк махнул рукой на кипу бумаг в руках мага. – Сам смотри.

– Смотрю. – Нильс Ваггет быстро извлек последнее донесение, вслух проговаривая выхваченную информацию: – Армейский патруль, десяток сержанта Перки. Полное боевое облачение, стандартные амулеты. Все мертвы.

Повисла тяжелая пауза. Ваггет как-то нервно вновь и вновь просматривал донесения, чувствуя, как нарастает злость и нервная дрожь в руках.

– Как все некстати, Ганс. – Маг скривился, как от лимона.

– Понимаю, – кивнул в ответ тот. – Делегация, у меня тоже все люди стянуты ко дворцу. Пока император не пересечет границу в обратном направлении, ну или не сделает вид, что пересек ее, мне этот «убийца» как кость в горле.

– Мда-а. – Ваггет медленно поднялся. – Вот значит, к чему мантикору мне припомнил?

– Да брось, в прошлый раз ведь сработало! – Ганс как-то виновато отвел взгляд.

– Послушай, ты не хуже меня знаешь, что это гребаные фанатики! – Маг отвернулся от собеседника. – Ты в курсе, что они до сих пор шлют королю письма, требуя сжечь меня и всех магов в королевстве на костре?

– Подумаешь, эка невидаль. – Гербельт в открытую расхохотался. – Ну недолюбливают они вашего брата самую малость, так что теперь, обижаться каждый раз?

– Малость?! – Ваггет аж задохнулся от ярости. – Эти идиоты до сих пор нападают вроде как тайком на магов! Они меня! Слышишь? Меня просят сжечь на костре!

– Ну-у-у... – Гербельт подмигнул своему собеседнику заговорщицки. – Мы ведь с тобой не будем кокетничать и делать вид, что оснований у них для этого нет?

– Да иди ты! – Маг фыркнул, улыбнувшись в ответ. – Они все там шизоиды и сами не понимают, что несут.

– Ладно. – Ганс Гербельт также поднялся со своего места, протягивая руку магу на прощание. – За ними я пригляжу, мне главное, чтобы ты потом в обиде на меня не остался и был в курсе событий.

– Ну, спасибо! – Ваггет насмешливо улыбнулся, обходя толстяка и открывая дверь кабинета. – Рад был повидаться, Ганс.

– И тебе не хворать, Ваггет, – кивнул ему глава стражи королевства и уже практически в закрытую дверь окликнул своего гостя: – Нильс?

– Что? – Тот задержался, еще не успев захлопнуть дверь.

– Слушай, а если они не руками собирают, то чем? – Гербельт задумчиво почесал нос.

– Что?! – непонимающе и изумленно переспросил маг.

– Ну, ты сказал, девственницы чай собирают не руками, вот мне и подумалось, чем еще можно отщипывать листочки? – Толстяк склонил голову, разглядывая оставленный ему в подарок мешочек трав. – Будучи голыми...

– О боги, Ганс! Я тебя умоляю! Старый пес, а мысли в голове... – Остального страж короны уже не расслышал, так как маг закрыл дверь, уходя прочь по коридору.

– И ничего я не старый. – Гербельт попытался втянуть живот, помогая при этом себе руками. – Я просто любознательный от природы.

– Кастлер! – через какое-то время крикнул он своего доверенного, что наверняка стоял все это время за дверью в ожидании. – Шли письмо Альве Шернье, пригласи командора в гости!

Дождавшись, когда стихнут удаляющиеся шаги помощника, он подошел к окну, задумчиво сложив руки за спиной и покачиваясь на носках своих раздутых сапог.

– Ртом, – произнес он через какое-то время. – Наверняка они отщипывают листочки ртом... В противном случае я родился не в том месте, не в той стране и занимался всю свою жизнь полной ерундой.

* * *

– Что ты топотишь? – Милана Хенгельман, тяжело охнув, схватилась за поясницу.

– Я не топочу, это ты топотишь. – Рядышком «поохивала» ее сморщенная копия, сестра Априя.

– Нет, ты определенно топотишь. – Милана прищурившись оглядела пройденный ими густой подлесок и с сожалением оглядела подол юбки, увешанный сухим репейником.

– Определенно не топочу. – Хмыкнула Априя. – А вот ты зудишь.

– Я не зудю, это ты зудишь. – Первая старушка вновь нехотя полезла напролом через кусты.

Две бабульки, подтрунивая друг над дружкой, уже полдня выписывали круги по пригороду, наматывая километры пути меж особняков, редких холмов и впадин, с завидным упрямством выискивая тающий и практически неощутимый след.

– Вот сучка. – Априя сплюнула в сторону, хвостиком пристраиваясь за сестрой.

– Сама такая! – не поворачиваясь, бросила Мила.

– Я, может, и такая... была... лет семьдесят назад, но твоя барбосинка редкостная засранка, – рассмеялась Априя. – Сама-то, мать, поди, в городе не скучала? Ну-ка сознавайся, где тут у тебя еще дедки гожие хоть на что-нибудь припрятаны?

– Да на что они гожие? – Милана с сомнением оглядела живописную полянку, на которую они выбрались, с трудом перевалившись через старое поваленное дерево.

– Вот ты мне и скажи. – Априя, тяжело дыша, встала рядышком с сестрицей.

– Беда у мужиков в том, что они хотят всегда, да вот могут по факту изредка. – Старушка, порывшись в своей переметной сумке, извлекла на свет небольшой металлический цилиндр, увитый таинственными письменами, состоящий из наборных подвижных колец. – А наша женская доля быть готовыми всегда, да вот хотеть изредка.

– Ага-ага, – покивала Априя, извлекая из своей сумки целый ворох связанных тесемкой костей. – Помню я, как ты изредка в Милтенкраусе. От тебя тогда даже моряки убегали.

– Ну, так уж и убегали... – Милана ловко меняла градации на своем цилиндре, периодически поглядывая на костяной набор сестры. – Им просто в рейс нужно было уходить.

– Ага, посреди ночи, в безветренную погоду, гребли так, что пену на море взбивали. – Априя задумчиво оглядела полянку. – Чуешь?

– Да, – кивнула сестра. – Здесь она была, здесь, только вот не пойму, почему истаивает след?

– Пойдем, глянем. – Пожала плечами Мила, пряча обратно свой прибор.

Две бабульки, придерживая друг дружку, по колено в траве пересекли поляну, вновь входя в густой кустарник, за которым совершенно неожиданно прятался каменный завал вперемешку с уже слежавшейся землей.

– Ого, какая дырка! – Покачала Априя головой, остановившись перед уходящим под землю тоннелем.

– Это у тебя там дырка. – Пакостливо хихикнула Мила, склонившись у находки. – А это лаз!

– Это у тебя как раз лаз, – не осталась в долгу сестра. – А это вход.

– Тьфу. – Милана Хенгельман сплюнула в темный зев прохода. – Сладенько-то как гнильцой тянет.

– Тряхнем стариной? – молодцевато подбоченившись, спросила Априя, вскинув бровь.

– А у тебя еще есть чем потрясти? – Милана с сомнением оглядела сестру.

– Уведу, – предупредительно и с вызовом ответила та, открывая свои кошель и сумку, чтобы извлечь из них целую кучу всевозможных ингредиентов.

– Кого? – Милана также принялась извлекать свои запасы.

– Деда твоего. – Априя зазубренным ножом прямо по дерну принялась выводить многолучевую звезду. – Найду и уведу, сознавайся сразу, это пекарь с четвертой улицы?

– Да какой он пекарь? – Рассмеялась Мила, порошками заполняя за сестрой надрезы земли. – Он уже лет двадцать как тестомес, только и может, что мять.

– Неужто портняжий из лавки Перрея? – Хмыкнула Априя, венчая лучи наборами вязаных трав и черепками мелких животных.

– Не-е. – Милана принялась наполнять звезду скрепляющими стежками своих заклинаний. – Его ниточка уже никогда не войдет в ушко иголки.

– Так ты приголубь его, подтяни ему здоровицето. – Априя включилась в плетение сестры, наполняя его своей силой.

– Я, если у него потяну, у него оторвется. – Милана благодарно кивнула сестре, принимая ее силу в свою вычурную магическую формулу. – Он даже в лучшие свои годы больше двух раз не мог. Слабенький он, к рассвету скопытится, это как пить дать.

– Ну, тогда я знаю. – Хмыкнула Априя. – Старый Шерп, кузнец как-никак в прошлом.

– Так. – Милана поджала губы, завершая свою магическую конструкцию. – Кузнец мне не тронь!

– Жалко, что ли? – Априя собирала остатки своих ингредиентов.

– Устроишь ему свое любимое «йе-х-у-у – ты-гы-дык», наездница, что я с ним потом делать буду? – Мила также принялась подбирать остатки своих заготовок. – Всю задницу исхлестаешь, да покусашь и исцарапаешь всего.

– Родненькая моя. – Априя залилась сухим каркающим смехом. – Да мне уже кусаться нечем!

– Ну, ты на себя не наговаривай. – Милана принялась стряхивать с сестры налипшую траву. – Ты у меня еще красotka хоть куда.

– Не, – покачала та отрицательно головой, поправляя у своей сестры съехавший платочек. – Хоть куда лучше не рисковать, могу и оконфузиться, лучше все по-стариковски, как положено.

Они какое-то время молча приводили себя в порядок, с прищуром поглядывая в темный проход подземелья.

– Долго что-то. – Вздохнула Мила, поглядев на теплое земное светило, что уже порядочно завалилось за полдень.

– Пирожок будешь? – Априя извлекла небольшую тряпицу, развернув ее и протянув сестре дутые жарыши, богатые тестом. – Утром пекла, этот с яичком и лучком, а эти с сыром и курочкой.

– Хороши. – Мила принялась потихонечку обжевывать угощение. – Надо было нам с тобой в кухарки по молодости податься.

– Пф. – Априя также выбрала себе угощение, остатки пряча обратно. – У них жопы толстые, не то что у нас, сама глянь, какие мы ладненькие.

– Были лет семьдесят назад, – рассмеялась Милана.

Какой-то приглушенный полурык, полузахлебывающийся сип прервал их разговор.

– Ишь как булькает, болезный, – произнесла Априя, с любопытством глядя, как из-под земли на свет выползает жуткий опухший мертвец, страшно тараща свои бессмысленные остекленевшие глаза. – Гляди-кась, пообглодали-то как капитально его.

– М-да уж. – Покачала Милана головой. – А мы гадаем, чего он припозднился, хорошо вообще дополз, бедняга.

Покойник, некогда видимо здоровенный бородатый мужик, скалил зубы и греб руками землю, неуклюже оскальзываясь и падая наземь.

– Ладно, замри. – По щелчку пальцев Миланы Хенгельман покойник застыл, словно каменный истукан. – Ты кто таков был?

– Кха-рхх, Гро-о-оуз. – Покойный с трудом ворочал синим распухшим языком. – Гро-оуз Гвоздь.

– Контрабандист? – Априя дожевала пирожок, вытирая жирные руки о подол платья.

– Да-а-а-а, – протянул усопший.

– Много вас там, в туннеле лежит? – Милана кивнула в сторону подземелья.

– Трое-е-е. – Голова покойного слегка повернулась набок.

Старушки попеременно вопрошали своего призванного визитера, более или менее вникая в суть вопроса. История вышла банальная, эта группка контрабандистов ночью как всегда переправляла товар под стеной города в обход пошлины, снимаемой стражей на вратах. Ну и, как водится, еще кое-что для души тащили, то, что запрещено продавать. Где-

то уже к рассвету их и постигла страшная участь в лице сбежавшей гончей, что вышла на их след, а заодно частично отобедала, или вернее отужинала, всей этой лихой компанией. Старушки еще какое-то время задавали вопросы, но большей ясности в дело ответы не приносили. Самым непонятным было то, что гончая вообще смогла сбежать. Как она вообще могла начать... думать? Откуда в ней пробудились желания, или что ей вообще движет?

– Собирай дрова и хворост, – отдала команду мертвому слуге Милана. – И дружков потом принеси сюда же.

Бабушки, покряхтывая, отошли чуть в сторонку, усевшись на ствол поваленного дерева и неспешно перебрасываясь между собой шутками и мыслями вслух.

– Ну что мыслишь, сестрица? – Априя подперла ручкой щеку, наблюдая, как вздущийся покойник таскает из лесочка сухие ветки деревьев.

– Да что тут сказать? – Пожала другая сухонькими плечами. – Ерунда какая-то происходит, я даже предположить не берусь, что с нашим песиком сделал старикашка Тид.

– А ты что делала? – Априя перевела на нее свой взгляд. – Может, в этом и есть разгадка? Алексис не просто же так положил на нее взгляд? Из чего собирала, на что привязывалась, контроль стандартный или с усилением был?

– Да ничего особенного. – Та сладко зевнула, пригревшись на солнышке. – Материалец в принципе непорченный, орки с узлами, видать шаманчики ихние, еще какой-то покойничек из человеческих, ну и...

– Ты рот-то закрой, ворона влетит, чего замерла, глаза выкатив? – Априя слегка потрепала за плечо застывшую на полуслове сестру. – Что, вспомнила чего?

– Ох тыж тыдуть меня растудить! – очнулась Милана Хенгельман, нервно сглотнув. – Ой, что-то чую, бедой запахло, Апри, похоже, с меня спрос брать будут.

– Да не томи же ты, старая, говори, откуда ноги растут!

Старушки принялись шептаться, то и дело перемежая свои мысли комментариями вроде: Что же теперь будет? Как же быть? А может, все еще обойдется? Какое-то время они еще голосили, лишь уже под конец, когда на поляне запылал костер высокого пламени, замолчали, в четыре глаза провожая в последний путь покойника с его товарищами, что зарылись внутри пылающих ветвей.

Какое-то грустно-тоскливое зрелище представляла эта картина обезображенного разложением и пламенем лица сидящего в костре покойника. Он как-то равнодушно и, казалось, возвышенно разглядывал их, пока стена огня окончательно не скрыла его из виду.

– Боги с тобой. – Махнула Априя на прощание ему ладошкой. – Ну что, куда теперь? По тоннелю в город или назад в особняк?

– Назад. – Милана Хенгельман покачала головой. – Ох, я кому-то сегодня устрою сладкую жизнь!

* * *

Остаток приема при дворе короля, императора, я совершенно не запомнил. Все потонуло в зеленом тумане ее глаз, и я совершенно не помнил, как оказался у себя. Сердце не разрывалось в бешеном ритме неистовства, я словно застыл, погрузившись в какую-то горькую патоку, не в силах пошевелиться в этом мягком чувстве внутренней не то боли, не то тоски.

Я не обманывал себя, эта девочка была мне небезразлична, но вот кто она, что она, а главное, как мы расстались, было из разряда – туши свет, кидай гранату. Шпион, фрейлина, сосуд, пустая кукла без мыслей в голове? Кто же ты и что ты думаешь обо мне? Помнишь ли ты вообще меня, или все это время рядом со мной был император? Кто говорил со мной, кто держал меня за руку и гулял со мной по городу, весело улыбаясь и даря своей улыбкой так нужное мне в тот момент тепло и заботу?

Ответа не было, как и не было сил взять себя в руки, или не знаю там, за «шкурку» схватить, чтобы встряхнуть хорошенечко, надавать себе по щекам, чтобы прийти в чувство. Мысли как-то рассеянно блуждали, слепо натываясь друг на друга, чтобы вновь разойтись по разным углам.

Вызвонив колокольчиком слугу, я заказал себе чая, терпкую горячую горечь трав, выжигающую нёбо и вкусовые рецепторы, но меж тем легким бризом послевкусия смывающим мое сомнабулическое состояние. Усевшись за стол, я бездумно марал листки бумаги пером, выводя на них каракули домиков, корабликов, крестиков, звездочек и сердечек.

Стоп.

Сердечки это уже перебор, причем с полным сдвигом по фазе. Разозлившись, я перевернул сердечко окружностями вниз, дорисовал ножки, а сверху спинку, тем самым получив... попу. Красивенькую такую, аккуратненькую женскую попку, прямо как у...

Да что за хрень-то со мной творится?!

Сурово сдвинув брови, я не менее сурово скомкал лист и что было дури запулил его через комнату.

– Барон!

– Ой, простите!

М-да... С ума сойти, я совершенно не заметил строгой и властной женщины, стоявшей перед моим столом неизвестно сколько времени и получившей от меня с ходу бумажкой в лоб.

– Господин... жа... кхм-м... император... ша... – Какая-то несуразица полезла из меня, я глупо моргал глазами и не находил, что ответить. – Я не заметил, как вы вошли, и вот это как бы, в общем, извините.

– Боги, мальчик в себе ли ты вообще? – Император в лице этой строгой красавицы обескураженно потирал лоб. – Ты вообще как себя чувствуешь? Я как увидела тебя на приеме, думала уже все, тебя тут, пока меня не было, выпотрошили и набили соломой, чтобы к моему приезду выставить твое чучело.

– Эм-м, нет, все нормально, просто я немного подустал, вот, видимо, сказывается. – Поднявшись, я услужливо пододвинул стул с высокой резной спинкой к столу, легким поклоном предлагая присаживаться. – Уж извините, честное слово, совершенно вас не заметил.

– Да уж куда тебе было заметить... – Император, аккуратно подобрав подол, сел на стульчик, подняв с пола мою бумажку и расправляя ее на коленке. – Сердечки, звездочки, фигня какая-то, опять сердечки... кхм... попа.

– Нет, это тоже сердечко, просто оно... – Я сумбурно замахал руками, пытаюсь в отчаянье найти необходимое слово.

– Как попа. – Пришла на выручку мне женщина-совершенство, вскинув бровь.

– Ну... возможно, где-то и так. – Я уселся на свое место, попытавшись спрятать свое лицо за маленькой кружечкой чая, что предательски дребезжала по блюдцу в моих руках.

Она буровила меня насмешливым и ироничным взглядом, молча налив себе в кружку ароматного взвара и слегка пригубив его.

– Попробуешь еще что-нибудь сказать? – Она подмигнула мне.

– Нет, пожалуй, воздержусь. – Невольно я расплылся в ответной улыбке, немного приходя в себя.

– Вот и умничка, – кивнула она. – Скажу тебе, как тот, кто, в отличие от тебя, уже не первое тело меняет, не дави чувства, наслаждайся ими, так как с годами они гаснут, теряя свой накал и полноту красок.

– Простите? – Я чуть не выронил кружку.

– Я тебя умоляю! – Она фыркнула, махнув на меня рукой. – Неужто ты думал, я не в курсе, что это не твое тело? Если не забыл, мне даже какое-то время удалось походить в нем.

– Я немного не понимаю... – Даже не тревога, а страх подкатили к горлу от осознания того, что моя тайна находится в руках одного из могущественных и опасных людей этого мира.

– Оставь. – Красивая, утонченная кисть махнула в мою сторону. – Пусть эта тайна останется твоей. Мне недосуг в нее вникать, просто при мне не нужно играть мальчика, особенно с учетом того, кто перед тобой находится. Договорились?

– Угу, – кивнул я поспешно.

– Но, собственно, я не за тем сюда пришла. – Она извлекла из-под накинутой на плечи шали небольшой фолиант, обтянутый черной глянцевой кожей, с массивными серебряными фигурными застёжками. – Вот, когда-то в былые годы осталось мне на память от одного занимательного человечка, мне она сейчас уже ни к чему, но почему-то вспомнилось о тебе, вот и решила презентовать в знак наших намечающихся отношений.

– Кхм. – Я принял подарок, округлив глаза. – Ничего себе занимательный человечек, это же один из трудов Аль'Фарамута, одного из самых именитых мастеров некромантии!

– Да? – мурлыкнула она тихо, словно кошка. – А с виду был такой робкий и застенчивый мальчик, представляешь, он при виде крови в обморок падал.

– Слышал... – Я с интересом пролистывал книгу, не забыв Маку указать на сканирование тома. – Одно смущает, у меня такое чувство, что за подобное чтение перед сном можно и на костер загреметь.

– Можно? – Она насмешливо вскинула бровь. – Я бы даже сказала, нужно, и, кстати, ты обязательно загремишь, если будешь ее всем и каждому показывать.

– Намек ясен. – Я не поленился оторвать зад от стула, чтобы отвесить поклон. – Спасибо, при всей сомнительности подарка, должен отметить, что знания лишними не бывают.

– Сможешь осилить хотя бы треть? – Она прищурившись следила за мной. – Могу дать еще.

– И снова спасибо. – Я водрузился на свое место, с сожалением пряча книгу на время в свой стол. – Однако вырву из разговора ваши слова для уточнения, если вы не против, поясните, что значит начинающихся отношений? Я как-то в простоте своей наивной осмелился на минутку помыслить о том, что теперь, по завершению подписания договора между вами и короной, смогу наконец-то отторгнуть от себя большую политику.

– Политику ты уже никогда, мальчик, не отторгнешь, так как, измазавшись в ней единожды, не оттереться уже никогда. – Она не улыбалась, строго и серьезно уперев в меня взгляд. – Не нужно мило хлопать на меня ресничками, я не первый день живу и могу выстроить долгосрочную перспективу тех активов, что ты себе выписал малыми дозами от каждого из государств.

– Позвольте, все в рамках договора и исключительно с вашего с королем согласия. – Я невольно улыбнулся, приятно все же, что ни говори, что хоть кто-то смог увидеть за всей этой бумажной волокитой хотя бы частично мой темный гений. – Все для вас, себя не пожалел, лишь бы вам было хорошо и вы больше не воевали.

– Ах ты, бедняжка! – Она театрально покачала головой. – А ну-ка, представь себе на секундочку, что я не дам тебе титул империи и не признаю твоих полномочий, потребовав пересмотра всех актов.

– Попробуйте. – Я откровенно и прямо смотрел на нее. – Думаю, вы поймете шикарную боль в лице ваших торговых гильдий. Ох, боюсь, ни вам, ни тем паче королю, не пережить той бучи, что они поднимут, тут ведь надо учитывать момент, что вы еще ничего не подписали, а кое-кто уже подтянул неслабый капитал к границе.

– Кто? – Она подалась вперед. – И прошу, хотя бы намекни, как можно, находясь заперти безвылазно в этом дворце, получить подобную информацию?

– Кто? – Я откинулся на спинку стула, слегка сдвинув пальчиком пару отчетов на своем столе, чтобы лучше видеть банковскую сводку, присланную Энтеми. – Ну, с вашей стороны, естественно, это Хельмиш и Ампатека, честно скажу, таких ушлых купцов на нашей стороне, как эта парочка, практически нет, даже боязно, как лихо они деньгами манипулируют.

– С-с-уки... – Император сморщил нос. – Как они только прознают обо всем наперед? Это твоя сводка с хранилища твоего? Как ты говоришь, «банк»?

– С него, родимого. – Я не стал заставлять столь возвышенную красоту вытягивать шею, словно гусыня, а любезно подтолкнул к ней листочек. – Вы лучше не фамилии домов смотрите, ваше императорское величество, а в нижний правый угол.

– Что это? – Голос императора слегка дрогнул.

– Это в сумме то, что пришло в Рингмар из вашей империи. – Я для наглядности обвел кружочком цифру.

– Семь миллионов?! – Императрица вскочила со своего места, опрокинув стул и упершись сжатыми кулаками в стол, низко склонилась над отчетом. – Эти ублюдки мне всего четыре ссудили на войну, а тебе, паршивцу, семь миллионов на голый зад отсыпали?!

– Ну, это же на перспективу. – Я пожал плечами. – Война была выгодна лишь единицам, тем, кто был завязан подрядами на армию, а здесь понемножечку, но каждый в итоге, кто смотрит дальше своего носа, получит свой откат.

– Какой откат? – Она удивленно уставилась на меня. – Еще не срублено ни одно дерево, еще не заложен ни один камень, ничего не подписано!

Она схватила листок со стола, пряча его куда-то в закрома ажурного платья.

– Не туда смотрите. – Я с тоской проводил взглядом похищенную столь наглым образом документацию. – Ко мне подтянули три десятка строительных артелей, считай каждая от своего торгового дома. Они строят склады, разворачивают дороги, кое-какую землицу выкупили под жилую застройку и торговые лавки.

– То есть сейчас эти упыри вылизывают твое баронство с головы до пяточек, за свои деньги, совершенно наплевав на свое родное государство?! – Император в недоумении уставился на меня. – Де Кервье вообще в курсе?

– В курсе, – раздался сухой голос старушки, заставив нас обоих вздрогнуть от неожиданности.

Начинается. Вечно у меня день открытых дверей, заходи, кто хочет, забирай, что приглянулось. Маленькая пожилая женщина неспешно подошла к нам, поправив на столе чайные приборы и подняв опрокинутый императором стул.

– Мне когда Гербельт показал цифры, я сперва по старинке организовала три звена бойцов для нашего мальчика, разозлилась малость, решила удавить. – Она пододвинула еще один стульчик, присаживаясь на него. – Пять поваров уже получили указ засыпать всю его еду ядом под завязку, восемь арбалетчиков сидят по дворцу, ждут команду.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает ком страха.

– Но потом посидела, чайку попила, с медком, тебе тоже, кстати, советую, что-то вид у тебя бледноватый. – Она кивнула в мою сторону. – В общем, успокоилась и решила, что пусть будет все, как есть.

– Ты видела, какие суммы они в его землю вливают? – Император, явно успокоившись, так же присел на стульчик, заботливо ухаживая за экс-королевой, разливая чай по кружечкам. – Это просто уму непостижимо!

– Да мне тоже с трудом верится, что мы с тобой сейчас сидим рядом с самым богатым человеком во всем мире. – Старушка мило улыбнулась. – Представляешь, времена настали? Ты когда-нибудь могла себе такое представить? Уж не я, так это точно.

– Ох, Вальери, и не говори. – Та покивала сокрушенно королеве головой. – С каждым годом я смотрю по сторонам и не узнаю этот мир, все меняется, времена, когда можно было все проблемы решить ударом честной стали в спину, безвозвратно уходят.

– А жаль. – Император отсалютовал кружечкой де Кервье.

– И не говори. – Вальери де Кервье так же подняла свою кружку. – Мне вот, знаешь, что покоя не дает? Куда он все эти деньги денет?

– Кстати, да! – Император со старушкой на пару уперлись в меня взглядами. – И что вы, господин барон, имеете сказать по этому поводу?

– А я что? – Мне было неловко до жути. – Я все отдам.

– КОМУ?! – На пару выпалили женщины, подавшись вперед.

– Да кому я могу отдать? – Я смущенно пожал плечами. – Жене, конечно, больше некому...

– Нет, ну скажи на милость, где таких мужиков делают?! – Де Кервье закатила театрально глаза.

– А главное, почему нам в свое время всякая «шелупонь» под юбки лезла? – Император хлопнул кулаком по столу.

* * *

Уже под вечер император вернулся в выделенное под его делегацию крыло дворца, несколько устало отдавшись в заботливые руки фрейлин, дабы те помогли снять платье, расчесать после укладки плотное покрывало шелковистых волос и снять косметику. Руки девушек заботливо снимали боевое облачение прекрасной... императрицы, в то время как вереница слуг прямо в спальню внесла огромную, инкрустированную серебром и золотом бадью, больше похожую на миниатюрный бассейн, и теперь наполняли ее горячей водой, а также тяжелыми лепестками роз.

Легкая улыбка коснулась строгой и несколько надменной красоты на ее лице, когда горячая вода сделала свое дело, раскрыв поры на лепестках, отчего те выпустили в воздух дурманный аромат сладких масел.

Большое, в два человеческих роста, зеркало стыдливо высветило, как легкая накидка соскользнула с плеч, горделивой ланью, или даже больше похожей на кошку статью, продемонстрировав обладательнице сего тела всю ее красоту и величие. Императрица неспешно погрузилась в горячее величие ласкающей воды, с блаженством прикрыв глаза и легким взмахом руки отпуская всех своих девочек-послушниц.

Внесенные ряды канделябров успокаивающе мерцали рядами свеч, мягко подчеркивая наступление ночи, а легкий пар, наполненный ароматом цветов, был подобен мягкой и ненавязчивой музыке, ласково баюкая тело и душу.

Все было идеально, казалось даже, тишину в покоях подобрали в специальных тонах, но зыбкость идиллии внезапно была нарушена смещением теней по углам. Это словно ветром подернуло свечи, серость теней всколыхнулась безумными волнами, совершенно неожиданно замерев сгустком тьмы в дальней оконечности зала.

– Гальверхейм! – Сгусток тьмы сплел некое подобие человеческой тени, в подробностях и всех оттенках серого выстраивая контур с узнаваемыми чертами высокого худощавого и седоволосого мужчины. – Ты сделала, что я просил?

– О боги, Алексис! – Легкая гримаса недовольства коснулась лица императрицы. – Ты совсем за чередой этих лет подрастерял свою галантность и такт? Где твои манеры, герцог? Не видишь, дама изволит отдохнуть!

– Прости, Галчонок. – Призрак отобразил усталую улыбку. – Но у меня мало осталось времени, они заключили договор с Дочерью Луны.

– В игру вступает Тайшана? – Желваки заиграли на острых скулах императрицы. – Плохо дело, ты хоть и редкостный гад, но тебе не откажешь в шарме, мой старый враг.

– Мне тоже было приятно все это время гоняться за тобой, – рассмеялась тихо тень. – Так что мальчик?

– Мальчик? – Императрица передернула плечами, нахмутив брови. – Он взял твой подарок.

– Хорошо. – В подтверждение слов тень мягко склонила голову. – Очень хорошо, корми его с рук аккуратно, Гальверхейм, не потеряй его.

– Мне он нравится. – Женщина откинула назад голову, прикрыв веки. – Знаешь, на тебя похож, вернее на того, каким ты был когда-то очень давно.

– Не играйся, Галчонок, не влазь сюда, это не твоя игра! – Тень взволнованно подернулась рябью. – Не испорть мне мальчика!

– Да я что? – Женщина кокетливо в полуулыбке вскинула бровь. – Подумаешь, какие мы нежные, я, может, из благих побуждений.

– Не смей меня, где мы с тобой и где благие побуждения? – Тень сурово нависла над бассейном. – Смотри у меня! Головой за него отвечаешь, никто не должен знать о его судьбе!

* * *

Два разных полюса города замерли в каком-то тягостном ожидании. У южных ворот лейтенант Персиваль, впервые за чуть более чем двадцатилетний стаж несения караула на вратах города, с замиранием сердца всматривался в приоткрытые створки, а выше, не ведая о том, точно так же у северных ворот замер караул лейтенанта Келснера.

Полдень. Жаркий, с высоким и жарким солнцем, никогда не был помехой для бесконечной вереницы посетителей Финора. Так было определено еще более ста лет назад, западные и восточные ворота выпускали из каменного мешка стен, а север и юг были приемной. Здесь никогда не было перерыва, народ грязной, мутной и разномастной толпой втекал в узкие стены города, дабы затеряться в нем, разбившись на тысячи судеб, и вот сейчас привычный порядок вещей был нарушен. Городская стража юга и севера с недоумением взирала на внезапно онемевший зев врат, впервые, наверно, за все время, что люди здесь несут службу, совершенно остановившийся, совсем. То есть полностью. В ворота города вдруг совершенно прекратили входить люди.

– Лейтенант? – К Персивалю подходил его десяток, в недоумении оглядываясь по сторонам. – Что происходит?

И точно так же стражники северных врат осторожно жались к Келснеру, пытая его вопросами, что, впрочем, было бесполезно, так как не тот и не этот совершенно не догадывались об истинном значении сей немоты.

– Тихо! – Келснер, властный поджарый мужчина, воздел сжатый кулак, прекращая пересуды. – Встали по местам, я, кажется, что-то слышу.

– По местам! – Персиваль также расслышал какой-то приближающийся гул. – Всем внимание!

Но внимание требовать от служивых не нужно было, оно, что с севера, что с юга, всецело и так было приковано к распахнутым створкам, сквозь которые хорошо просматривался кусок тракта и нарастающее облако дорожной пыли.

– Боги поднебесья! – Первыми всполошились стражники с севера, внезапно, словно тараканы, брызнувшие в разные стороны из-под тапка. Келснер, бывший brave вояка, не сразу осознал всю плачевность ситуации, в считанные секунды все его подчиненные скрылись в караульных помещениях, оставив лейтенанта одного в центре ворот, с открытым ртом

и бешено стучащим сердцем, причем не в груди слева, а где-то, судя по ощущениям, гораздо ниже.

Мощь, вот как можно было охарактеризовать дутого мышцами вороного коня-тяжа, что внес первым в ворота своего пугающего седока. Да, это не простой конь, по его виду можно было подумать, что этот конь съел еще одного коня, чтобы его мышцы и холка смогли достичь подобного размера. Специальная рыцарская порода, Келснер, когда-то в былые годы служивший в армии и повидавший разного на своем веку, знал, что подобный жеребец стоит по деньгам, как три деревеньки разом со всем скотом, как двуногим, так и более дорогим, четвероногим. Это не тупые клячи, по золотому отдаваемые конными заводчиками, это целая история и аристократия в мире животных. Только знать и только рыцарские семьи имели право владеть подобным великолепием, заточенным исключительно под их нужды. Машина смерти, даже в таком виде использования его как средства передвижения, монстр помимо седока нес на себе специальный доспех, увенчанный сотней всевозможных шипов и рогов.

Келснер немного запоздало, но по уставу склонился в поклоне, ибо других толкований быть не могло, сидящая на жеребце коротко стриженная и закованная в тяжелый доспех женщина принадлежала ордену бестиаров, самому грозному, беспощадному и старому ордену короны, чей авторитет никогда и никем не ставился под сомнение, по крайней мере, в твердом уме и трезвой памяти, так сказать, во избежание. В подтверждение его мыслей следом за женщиной в ворота въехал знаменосец, на таком же тяже и также при полном доспехе. За его спиной развевалось кроваво-красное знамя с черным шипастым крестом, а древко венчал оскалом зубастый череп какой-то злобной твари.

– Ты старший? – Женщина не удостоила его даже взглядом, заговорил знаменосец.

– Да, господин, – произнес лейтенант, не поднимая головы, теперь ему была очевидна причина того, что дорога вмиг опустела, никто и никогда бы не посмел идти рядом с такими попутчиками, а тем более обогнать или осмелиться плестись в хвосте. Бестиаров знали все, причем помимо их прямого функционала и правого дела, исполняемого ими, по большей части народ шептался о другой стороне медали, ведь ни для кого не секрет, что рыцари похищали детей, именно так. Чтобы получился толк из бойца, недостаточно иметь храброе сердце и дюжие кулаки, его еще необходимо воспитать соответственно, заложить с малых лет не только мотивацию в голову, но и специфическую моторику, дабы тело в совершенстве подходило для нелегкой науки владения хладным и смертельным железом. Там нет ни грамма страха, там нет ни миллиметра сомнений за этой железной броней. Говорят даже, что в застенках замка Дош некогда простые смертные дети, в муках боли и алхимических парах чадающих курен, навсегда теряют свою человеческую суть, меняя не только свой разум, но и частично тело.

– Пиши, – презрительно процедил знаменосец. – Командор Шернье прибыла по приглашению Ганса Гербельта в Финор, с ней пятьдесят и два рыцаря, семь повозок инвентаря, четыре со вспомогательным снаряжением и три будки.

Страж на негнущихся ногах, по уставу, встал за деревянную трибуну, дрожащими руками ведя полагающуюся запись на грамоте.

Будки...

Казалось, и без того черная волна страха усилилась еще большими оттенками тьмы. Целое крыло в полной своей комплектации входило в город, а с ними верные их подручные, черные псы Гаркона! Жуткие гончие, верные загонщики и следопыты, а главное убийцы, со щенячьих лет взращенные на жажде погони и крови терзаемых ими жертв. Эта порода собак выводилась бестиарами специально, а все те же слухи разносили по свету молву, что им скармливали детей, не прошедших ряд испытаний в ордене.

На испуганного стражника никто больше не обращал внимания. В город стройными рядами вливалась стальная мощь рыцарского ордена. Слаженные ряды, четкие и короткие

действия, вся группа шла на марше, без запинки продвигаясь к цели. Это одна из характерных черт бестиаров, вместо плюмажей и лент их доспехи, как правило, украшали шипы, а лица шрамы. Крытые возы кунги были по бортам увешаны жуткими алебардами, пиками, рогатинами. С тыльной стороны повозок Келснер рассмотрел барабаны с шипованными железными цепями, а на один из барабанов была намотана стальная сеть, явно не рыболовного толка. Те самые будки, о которых ему сообщили, были укрыты шкурами, страж лишь рассмотрел в щель понизу крупные черные лапы собак, беспокойно возившихся в клетках. Причем в полной тишине, да уж, похоже, народ правду говорит, что собакам рыцари горло надрезают в особом месте, после чего они немыми становятся. Это, мол, специально, твари всякие, на которых охотятся рыцари, очень чутки слухом, а вот такую немую загонную охоту не все в силах распознать.

И пока на севере в ворота вливалась серая сталь, на юге лейтенант Персиваль совершенно внезапно осознал, что, так же как до этого его коллега с севера, он остался один посреди ворот, в то время как вверенные в его подчинение бойцы, бросая оружие, прячутся по караулкам.

– Этого не может быть! – не веря своим глазам, шептал он себе под нос снова и снова.

Но сколько ни шепчи молитв, реальность на юге ознаменовалась в черно-зеленых тонах развернутого знамени, на котором, раскинув лапы, был изображен весьма подробно жуткий паук.

Страшно? Еще бы, ведь именно сейчас и здесь в реальности оживали все детские сказки-страшилки королевства в лице подлых и вероломных братьев Детей Солнца, их полной противоположности, темных и злобных эльфов с далекого и таинственного юга. К городу подходил отряд дьесальфов, чего не случалось в современной истории, наверно, уже больше пяти сотен лет назад, хоть память и легенды о них до сих пор жили в умах народа. Ведь кто, как не они, создатели всего зла в мире? Это именно их создания дурным наследием оживали в ночных кошмарах, обретая лик оборотней и вампиров, жутких некромантов и прочих тварей, что по сей день собирали обильную кровавую жатву с людских поселений и городов.

– Боги поднебесья, сохраните! – побелевшими губами произнес он.

– Ты старший? – Вперед отряда дьесальфов выехал другой эльф на пепельно-сером подтянутом жеребце, в котором лейтенант признал уполномоченного посла льесальфов, а также преподавателя магической академии Финора Леофоля Лаурекана. Персиваль впервые видел этого строгого и красивого эльфа в столь плачевном состоянии. Через все его лицо шла повязка, скрывающая один глаз, что, впрочем, не скрывала в достаточной мере пунцовый свежий рубец шрама под ней. – Хватит глазеть на меня, деревенщина, иди пиши по уставу, в город по приглашению клана Темной Ели въезжает посол Детей Луны, для открытия своего представительства в королевстве!

Вот так была совершена историческая запись в хрониках королевства. Ровно семьдесят дьесальфов, из которых пять десятков были знаменитым отрядом «Тени», легенды о которых гласят, что более профессиональных убийц мир еще не знал, пятеро официально были записаны как мастера некроманты, все остальные были телохранителями Великой Дочери Луны Тайшаны Ледельер.

Свидетели потом по-разному описывали это событие, но факт в том, что кроме перепуганного лейтенанта в тот момент у ворот даже собак не было видно. Весь отряд кутался в просторные плащи, лошади гнули шеи, и лишь один человек испуганно и недоуменно провожал их взглядом, когда они вереницей неспешно втягивались в узкие городские улочки.

– Что же это такое-то? – практически синхронно на разных оконечностях города вопросили пустоту два стражника, не подозревая друг о друге. – Ну и времена наступают...

* * *

– Ну-ка, милоч, подь сюды, к бабушке. – Милана Хенгельман с нехорошим прищуром поманила пальчиком к себе графа Десмоса, что несколько затравленно взирал на двух старушек, которые словно торнадо ворвались в усадьбу и выловили его в подвале дома, зажав в неприметном тупике.

– Я вас слушаю, сударыни. – Граф учтиво отвесил поклон.

– Нет, родненький, – покачала головой Априя. – Это мы тебя слушаем.

– Да-да, – покивала ее сестра. – Очень внимательно слушаем.

– А что собственно произошло? – Десмос пальчиком поправил манжет воротника, что в считанные секунды словно удавка стал сдавливать горло.

– Веселый парень, не находишь? – Априя, вскинув бровь, посмотрела насмешливо на сестрицу.

– И не говори, прям сама невинность. – Милана сложила на груди руки, поджав губы. – Я тебе сейчас за твои взмахи невинности ресничками и старательно глупую мину на лице вскипачу прямо в твою черепу, не вынимая твои глазные яблоки, сраный кровосос.

– Дамы! – Граф вскинул руки. – Прошу, давайте обойдемся без насилия!

– А мы насиловать тебя пока и не собирались. – Априя несколько двусмысленно окинула его взглядом с ног до головы. – Мы пока шли, думали потихоньку и по краям поджарить тебя.

– Хотя идея неплохая. – Милана подмигнула сестре. – Может, с этого и начнем?

– Все, сдаюсь! – Десмос молитвенно сложил руки.

– Слабак. – Презрительно хмыкнула Априя Хенгельман.

– И как давно ты знал, что разум Тины все еще жив в теле гончей? – Милана сбросила личину веселья, становясь предельно сосредоточенной.

– Недавно. – Граф опустил взгляд. – Несколько месяцев назад мы пускали их в работу, там-то я впервые и ощутил ее отклик.

– Почему никому не сказал?! – Милана Хенгельман схватилась за голову.

– Кому? – Граф как-то печально покачал головой. – Ульриху? Вы вообще представляете его реакцию? Или, может, госпожа Милана, запомновала, что Тина с бароном были в несколько других отношениях, нежели прочие? Тина была убита, и за этим последовали серьезные последствия, о которых не мне вам рассказывать, опять же, насколько мне известно, вы не обещали «посмертия» для нее Ульриху, и как бы он повел себя с вами, я тоже опасаюсь представить.

– Я не обещала, я и не давала! – Милана перешла на крик. – О каких отношениях ты говоришь? Она была телохранителем при нем, что я еще не знаю?

– Девочка была влюблена в него. – Десмос нервно сглотнул подступивший ком к горлу.

–! – На пару выдали сестрички, округлив рты.

– Нет-нет, сейчас же скажи, что все это не так! – Милана Хенгельман отрицательно мотала головой. – Я не знала, демоны вас всех раздери, ну телохранитель, ну друг, но только не любовь! Ты-то, старый дурак, о чем думал вообще? Это же твоя дочь, ты ее инициировал!

– Ну, вообще-то, если вы не забыли, мне в то время вот эти красивые ручки и не менее красивые ножки поотрубади нахрен! – уже вспылал вампир. – Я, как личинка жука, больше года под землей провалялся не жив, не мертв, откуда мне было знать о ваших планах!

– Какая же я дура! – Милана схватилась за голову. – Я думала, все из-за Валентина!

– Все, да не совсем, – поутихнув пыл, произнес вампир. – Я сам и половины не знаю их отношений, и себя не вини, ты потеряла брата и обрела вновь сестру, немудрено было забыть про эмоции окружающих, когда свои захлестывают через край.

– Боги, Мила. – Априя обхватила сестру за плечи. – Теперь ясно, что искал в доме де Тид, он искал больное место, чтобы надавить на него.

– Что вы узнали? – Десмос нервно повел плечами.

– Ничего нового, – печально произнесла Мила. – Все старо, как мир. Паразит, из чувств к ней, смог пробить грань междумирья, она вернулась к нему, а я помогла обрести ей тело. Это история боли, это то, что вернуло когда-то в этот мир Адель, Белую Смерть, заставляя годами убивать всех вокруг. Ты знаешь, мы, некроманты, для создания слуг всегда выискиваем таких покойников. Особенных, тех, кого не нужно силком вытягивать из небытия, а именно таких, которые сами держатся за оставленное здесь. Лучшие призраки, самые сильные убийцы. Я всего лишь хотела создать безмозглый инструмент, а в итоге сотворила шедевр всей своей жизни, идеальное соотношение эквивалента жажды и стремления вперед.

– Я думал, это просто эхо узнавания. – Граф нервно разорвал воротничок, устав его дергать и поправлять. – Ты же не хочешь сказать, что все это время в бочке у нас сидело живое и чувствующее существо? Умоляю, скажи, что она это не она, скажи, что хотя бы сон был избавлением для нее.

– Я не знаю. – Милана опустила взгляд. – Это выше моего понимания.

– И что же с ней сделал Тид? – Граф подался вперед.

– Он освободил ее, – вместо сестры ответила Априя. – Мы пока не знаем как, но он отвязал ее поводок и научил выживать без питательной среды.

– Она разумна? – Граф нервно принялся расхаживать, не находя себе места. – Она сможет контролировать себя?

– О да, – невесело рассмеялась Милана Хенгельман. – Думаю, сейчас у бесовки все под контролем.

– Что же теперь будет? – в пустоту, больше для себя, спросил вампир.

– Ох, граф, ты даже не представляешь половины из того, на что способно любящее женское сердце. – Печально улыбнулась Милана Хенгельман. – Даже половины...

* * *

Во дворце началась какая-то суеда. Даже не знаю, с чем это было связано, но всем резко стало не до меня, чем я, естественно, не замедлил воспользоваться и подписал себе отпускные грамоты у де Кервье. Через слуг и их невнятное бормотание я еще успел выцепить слух о том, что в город прибыла делегация дьесальфов, и мне даже на секундочку стало интересно поглядеть на них хотя бы одним глазком, но это была всего лишь секундочка, потому как мой разум услужливо нарисовал мне картину, как я опять встречаю между молотом и наковальней, решая еще и проблемы этих загадочных гостей. Посему я сгреб весь свой скудный скарб в дорожную заплечную суму и по старой доброй английской традиции не стал даже ни с кем прощаться.

Утречко было шикарным, проснулся с лучиками солнца, помахал руками-ногами для бодрости организма по завету господина Ло, хорошенечко прополоскал взмокшее тело в прохладной водичке, махом влил в себя полкувшина зеленого чая и покинул ворота дворца, оставив свои грамоты на охране.

Лепота. Господин Ваггет, занятый всеобщей суматохой, с барского плеча отвалил мне своих щедрот, а именно целых три недели отпуска до начала занятий, когда съедутся старшекурсники и преподаватели с летних каникул, так что от подобной вседозволенности меня переполняла легкая эйфория и пробивал мандраж. Очутившись за воротами, я не стал останавливать наемный экипаж, а просто тупо с наслаждением топтал свои ножки по каменной мостовой, отпустив мысли по ветру, и блуждал взглядом по фигурной лепнине городских домов. Этот город может быть красивым, он может быть опрятным и чистым, а также тихим

и немногочисленным в столь ранние часы, когда кроме меня по улочкам спешили лишь торговцы, дабы открыть свои лавочки аккурат к подъему знатных особ.

Мягкая кошачья лапа насыщенного аромата свежей выпечки ухватила меня за нос, развернув в противоход и заставив свернуть в небольшой проулок, где открывал свои дышащие жаром ставни лавки один из владельцев пекарни.

– Ох, милейший! – Я остановился перед тучным мужиком с розовой лысиной и здоровенными волосатыми ручищами. – Скорей же без промедления покажи свой товар, иначе я от запаха из твоей лавки слюной весь изойду!

– Доброе утро, господин! – Расплылся мужчина в улыбке, тут же оценив, видимо, по статусу мою зеленую мантию лекаря академии. – Чего желаете? Есть чудесные рогалики с маком, на подходе булочки с изюмом, а еще хочу вам сказать, моя жена Меллисана сегодня по-особому расстаралась, с утра приготовив восхитительные кексы, пропитанные еще с весны закупленным медом разнотравья!

– О, теперь я вижу, куда так торопится солнце! – Я решил ответить ему любезностью на его дружелюбный тон. – Оно спешит занять очередь к вам в лавку! Давайте всего по паре, но лишь об одном молю, дайте хорошую буханку белого хлеба!

– Хо-хо! – рассмеялся он басовито, словно Санта-Клаус, не забыв при этом потрясти своим массивным пузом. – Будет сделано, господин!

И он так сделал, и я так познал счастье, когда половина моего лица утонула в свежем и еще теплом хлебном каравае. Блаженство. Все рогалики, булочки и кексики в промасленной бумаге отправились в заплечную суму, а я тыкался мордочкой в хлебную мякоть, словно теленок в вымя матери, урча от удовольствия.

– Нет, ну где ваши манеры, барон? – От голоса, раздавшегося у меня за спиной, я чуть не откусил себе язык и палец разом.

– Принцесса?! – С трудом прокашлявшись, я с ужасом рассматривал хрупкую фигурку высокой девушки, что поверх платья накинула на себя легкий плащ с глубоким капюшоном. – Вы, какого хрена... Кхм... Вы что тут делаете?!

– Какая безкультурщина, барон! – Она подошла ко мне, принявшись отряхивать мою грудь от хлебных крошек. – Сначала сбегаете из дворца не попрощавшись, а потом шляетесь по городу, словно поросенок, вымазавшись и совершенно не глядя по сторонам. А дабы вы почувствовали укол совести, могу вам сказать, что я за вами вынуждена была плестись от самого дворца, не говоря уже о том, как мне пришлось полночи не спать, дабы караулить вас.

– Зачем? – От подобного кульбита судьбы не так-то просто быстро оправиться.

– Этого я еще не придумала, но думаю, к концу дня мысль обязательно родится. – Она, улыбнувшись, окинула меня взглядом с ног до головы. – И прекратите, словно мать ребенка, прижимать к груди буханку хлеба, у вас ее пока никто не забирает. Ну вот, сами напросились.

– На что? – Я банально не находил слов для диалога.

– Сейчас покажу. – Она, практически не встретив сопротивления, разжала мои пальцы на хлебе, извлекая из моих рук остаток каравае. – И пусть вам теперь станет стыдно, так как лишние граммы на моих бедрах целиком и полностью ваша вина.

– Но я не я! – Автоматически потряс я воздух столь искрометным умозакланием.

– Точно! – Хмыкнула она, неспешным шагом обходя меня. – Мы не они, а они не мы, и все вокруг не то, что кажется. Давайте там не отставайте, с утра прохладно, лучше будет еще немного ножками пройтись, чтобы взбодриться.

– Куда? – Быстро-быстро заморгал я глазами ей вслед.

– Хороший вопрос! – Она воздела вверх свой пальчик, замерев на выходе из переулочка. – Вот туда пойдем, так нам встающее солнце будет светить в спину, а, следовательно, нам не придется жмуриться, отчего у нас не появятся морщинки у глаз раньше времени.

Дальнейшие минут десять прошли в полной тишине и тягостном скрипе моих мозговых извилин. Принцесса же просто цокала, как полковая лошадь, подкованными каблучками по мостовой, совершенно не обращая на меня внимания и поглощая с удовольствием отнятый хлеб.

– Эм-м... Ваше высочество. – Я поравнялся рядом с ней, пытаюсь заглянуть в глаза.

– М-м-м? – Захрумкала она хлебной корочкой в мою сторону.

– Простите за бестактность, но кто-нибудь во дворце в курсе того, где вы сейчас находитесь? – Легкий ореол паники нарастающим отголоском кольнул меня в ту точку, которой обычно люди чувствуют беду.

– Ну, это навряд ли. – Она шмыгнула носом и при этом залихватски подмигнула мне. – Иначе бы у нас в хвосте сейчас половина нашей дворцовой армии плелась, а я, знаете ли, не люблю общественного внимания в столь ранний час.

– Ты что, сбежала?! – Я почувствовал, как у меня подогнулись ноги, и рука сама непроизвольно ухватила за бешено стучащее сердце.

– Что значит сбежала? – Нахмурила она брови. – Я вообще-то у себя дома, тут все мое. Вот это королевство, этот город и эта, как там бишь ее? А, точно, улица! Все мое, и поскольку я не пересекала границы, то ни о каком побеге речи быть не может.

– Нет-нет-нет-нет-нет! – Я воздел голову к небесам, мотая ей из стороны в сторону. – Боже, пожалуйста, пусть это будет всего лишь сон!

– Что вы там бормочете? – Принцесса подергала меня за рукав, выводя из ступора. – Давайте уже приходите в себя, а то мне на долю мгновения показалось, что вы не рады нашей встрече, и прекратите подмигивать, выглядит как-то странно...

То, что она приняла за подмигивание, было на самом деле нервным тиком. Мы неспешно брели по медленно просыпающемуся городу, она сыпала горохом маловразумительных слов, я же банально не знал, куда бежать и что делать. Видите ли, мне еще не доводилось похищать принцесс, хотя если вдуматься, то кто кого еще похитил...

От досады, злости и просто от избытка переполняющих чувств я сплюнул, точно угодив между чугунной решеткой в дренаж дождевой воды, черным провалом уходящий куда-то в темноту подземелья.

* * *

Голод, злость и мощные когтистые лапы несли зверя по подземным катакомбам старинного города. Мутная зелень взгляда бессмысленно блуждала, вычленяя в кромешной тьме любые зачатки живых, а также заставляя зверя останавливаться у световых окон выхода наверх, где он подолгу замирал, втягивая носом ароматы верхней жизни, всю палитру человеческих страстей, бьющих ключом наверху при свете дня.

Зверь искал, зверь бежал, не теряя в груди какого-то странного чувства ожидания, помноженного на тоску и надежду. Что-то вновь и вновь заставляло его просыпаться в новом логове, рыская днями и ночами в подземных тоннелях, выискивая запах жизни того единственного, кто бы мог остановить его словом и жестом, дав наконец так нужный ему покой в кипящей страстями душе.

День сменялся ночью, а ночь в свою очередь днем. Иногда, когда зверю не хватало пищи в своем логове, он выходил на охоту с заходом солнца. С удовольствием вырывая мягкие и сладкие внутренности двуногих жертв, но ни на миг не прекращая своего поиска, вновь и вновь припадая носом к запахам живых, в надежде уловить аромат того, кто ей был так нужен.

Ей?

Да, в короткие минуты покоя в новом логове ее часто посещали сны-картинки былого, когда она могла ходить и улыбаться, как остальные живущие, когда не было еще голода и жажды, затмевающей разум, всепожирающей жажды убивать всех и вся вокруг.

Из-за этих снов она и бежала сегодня всю ночь тесными сырыми и темными коридорами каменных тоннелей, вспоминая свои чувства и улыбку того, кто должен быть рядом с ней. Должен... любить ее, быть всегда рядом, не отходя ни на шаг, касаясь ее трепещущего тела своими руками. О, как же ее мучила эта разлука! Непередаваемая тоска из-за боли горькой разлуки рвала ее естество на части, придавая в какой-то момент даже сил в этой бесконечной гонке за неведомым. За чем-то, что было живо пока лишь только в ее снах.

Усталость накапливалась свинцом в мышцах. Зверь слабел, а на спине даже треснула кожа, оголив мышечную массу, но это все было пустым. Вернувшись в логово к сладким снам, она все вылечит, лишь бы очередной забег по городским канализациям дал бы хоть намек на счастье, вновь оказаться рядом с тем, кто ей так дорог.

Внутренние часы подсказали зверю, что еще одна ночь прошла впустую. От злости и тоски хотелось выть и рвать зубами камни, и зверь, возможно, так бы и сделал, если бы уже на обратном пути к сну и покою он внезапно не замер у одного из люков, выходящих на улицу, сквозь решетки которого в тоннель пробивались пока еще слабые утренние лучики солнца.

Да!

Все тело монстра пронзила крупная не то судорога, не то дрожь, от осознания того, что оттуда сверху ее сон, ее мечта шлет ей весточку, что он не забыл ее, он помнит и ждет лишь ее одну, дабы навеки утонуть в ее любви и нежности! Нет, это не она его нашла, это он ей оставил метку узнавания! Он помнит ее и так же ищет и ждет!

Зверь судорожно заметался по сторонам, снedaемый сиюминутным желанием выбраться наверх и внутренним предупреждением, что пора назад в логово, иначе он умрет. Это был тяжелый выбор, но в конечном счете разум преобладал над чувствами, гоня зверя прочь и назад во тьму. Впрочем, это ничего, теперь все будет гораздо легче, теперь она взяла след, теперь все обрело реальность, а не лишь туманные образы снов. Там, наверху ее ждет ее счастье, ее любовь, тот, кого она никому не отдаст, даже если ей для этого придется убивать чужих, либо же самой погибнуть, отдав всю себя без остатка ради него.

* * *

– Нюхай давай! – Сухой заскорузлый палец одной из сестричек Хенгельман больно ткнулся в бок графа, отчего он слегка поморщился.

– Нет, ну это прямо проклятие какое-то! – Граф Десмос склонился к сырой земле, посередине тоннеля контрабандистов, куда его привели старушки по настоятельной просьбе оказать им незамедлительную помощь. – Почему все вокруг меня за собаку воспринимают? Что это за издевательство над вампирами среди бела дня?

– Что ты там бурчишь? – Милана Хенгельман повыше подняла светильник, чтобы рассмотреть вампира. – Уловил запах или что?

– Не дави на него, – вступилась Априя Хенгельман за графа. – Он ведь уже старенький, пусть поползает немножко, свыкнется, а там глядишь, может, и возьмет след.

– Нет, ну это уже форменное издевательство, – сокрушенно вздохнул «старенький» вампир, меж тем не осмеливаясь ничего высказать двум выжившим из ума некроманткам. – Надо было дать себя убить, по крайней мере не пережил бы повторно подобного позора.

– Опять бухтит, слышишь? – Милана повернулась к сестре.

– Старикам свойственно бухтеть. – Пожала плечами ее сестра. – Вот доживем до его лет, неизвестно еще, что с нами будет.

– Ну, нам-то до него еще далеко, – развеселилась Милана.

– Это да. – Хмыкнула сестричка. – Мы еще с тобой, можно сказать, только жизнь начинаем.

Две молодки несказанно нервировали графа своими репликами, но долг есть долг, приходилось на карачках ползти по тоннелю, выхватывая еле уловимые запахи тех, кто здесь когда-то был. Чтобы обострить рецепторы восприятия, он частично трансформировал тело, отчего его когти на руках глубоко входили в сырую землю, оставляя глубокие борозды за собой.

– Слушай, Мила, – шмыгнув носом, вдруг оживилась сестрица Априя. – Глянь, как у нашего нюхача во тьме глазки красным сверкают.

– Да, красивенько. – Покивала головой Милана. – Мне еще мантикоры нравятся, у них, знаешь ли, радужка еще желтизны немного добавляет.

– И задница у него, похоже, упругая. – Хихикнула Априя Хенгельман, разглядывая коленопреклоненного вампира сзади, отчего у того меж лопаток к тому самому объекту, удостоившемуся столь пристального внимания, побежали мурашки. – Так и хочется со звоном ладошкой залепить.

Борозды, оставляемые когтями вампира в земле, явно стали глубже, к тому же добавился легкий зубовой скрежет со стороны обсуждаемого.

– Я вот вдруг задумалась... – слегка кашлянув, произнесла Милана. – А у вампиров пинус рабочий или как?

– Хм-м-м, – протянула Априя. – Даже не знаю, в бестиариях говорят о силе, выносливости, об их зрении, вот еще о нюхе, но что-то ни разу не припомню, чтобы речь шла о пинусах вампиров.

– Помнишь бесовку Кругерман? – вдарилась в воспоминания Милана. – Она же вампиршей была, так вот говорила, что в свое время была любительницей перед пиршеством позабавиться с едой.

– Ну, ты не сравнивай. – Махнула рукой на сестру Априя. – Нас-то природа, тьфу-тьфу-тьфу, безотказным органом наделила, это «етих» хвостики постоянно подводят. Даже не скажу, как оно там что у вампириков, с какой стороны болтается.

– Послушайте, любезный, – переключилась Мила с сестры на графа. – Скажите на милость, сугубо в научно-познавательных целях, что у вас с пинусом, дорогой наш граф?

– Гыр-гыр-гыр-кхарг гыр! – разогнувшись, граф зашелкал на бабулек клыкастой пастью.

– Чо-о? – Недоуменно уставились на него старушки.

– Говорю, прекратили, обе! – Граф снял трансформацию, возвращая себе мускульную и челюстную структуру человека, так как по запарке нарычал на них, ну и пошелкал клыками. – Совершенно невозможно работать!

Изобразив спиной гнев, граф демонстративно ушел вперед, оставив их позади, что, впрочем, не избавило его от возможности четким слухом уловить их шепотки.

– Похоже, все-таки не работает пинус-то...

– Ну да, стал бы он тогда рычать...

Какое-то время их компания продвигалась вперед, ведомая вампиром, логическим завершением опережившись в слегка покосившуюся створку деревянных ворот, болтающуюся на последней, еще не оторвавшейся петле.

– Ну что там, пришли?

– Выход, да? – зашебурились старушки за его спиной.

– Похоже, подвал какого-то дома, – произнес граф, высунувшись из тоннеля. – Никого нет в живых, по крайней мере несколько недель точно не было.

Граф, не желая быть опять объектом подковырок со стороны старушек, вылез первым, по кругу обходя просторный подвал и высматривая всевозможные следы, в то время как две некромантки, поскрипывая суставами и периодически охая и ахая, извлекали себя из глубокого лаза в полу.

– Какая мерзость, – бурчал себе под нос граф, обходя останки вздувшихся уже от времени покойников, в жуткой вакханалии разбросанные кругом по полу.

– Сколько насчитал? – К нему неспешным шагом подошли Хенгельман.

– Трое или четверо, не понять, тут кое-чего недостает. – Тяжело вздохнул вампир, задумчиво ногой катнул в сторонку чью-то обезображенную голову.

– Ясенько, – протянула задумчиво Априя Хенгельман. – Ну что, идем дальше?

Вновь вампир шел впереди, уже поднимаясь по лестнице и выискивая в душном смраде разложения след сбежавшей Гончей. На этот раз обошлось без реплик и комментариев, так как подъем по ступеням заставлял старушек сипло дышать и периодически поскрипывать на ходу.

– Замерли! – вдруг зловеще и властно выдала Милана, вцепившись в один из кулонов, висящих у нее на груди.

– В чем дело? – спросил граф, втягивая идущий воздух улицы, идущий из-под двери, что замаячила в свете тусклого фонаря некромантки.

– Там живые, – пояснила вместо сестры Априя, также перебирая пальчиками вязанку амулетов на своей шее. – Много, точно не могу сосчитать.

– Понял, держитесь в тени. – Волна трансформации полностью преобразило тело графа, он опасным и стремительным зверем мягко стал скрадываться вперед, обострив до предела всю гамму своих чувств.

Сестрички также не стояли без дела, извлекая на свет из своих сумочек и кошельков гирлянды амулетов, какие-то косточки и прочую непонятную атрибутику, выстраивая некое панно из этого на полу, перешептываясь вполголоса по компоновке структур творимой ими ворожбы.

Десмос же мягкой лапой аккуратно толкнул дверь, про себя довольно улыбнувшись тому, что контрабандисты следили за петлями, отчего та тихо скользнула в сторону, не издав и звука.

Хорошее дело, здание, из подвала которого он вынырнул, было большим складом, заваленным повсеместно всевозможными тюками, ящиками, коробками, а также разномастными бочками от маленьких «дутиков» до больших пузатых великанов. Самой двери от входа видно не было из-за захламленности помещения, но и вампиру пришлось двигаться вперед, чтобы рассмотреть людей, что возле ворот суетились, наводя шум и переговариваясь между собой. Мягкие движения плавно перетекали, оставляя его невидимым, а напряженное тело в какой-то момент замерло каменным истуканом, взгляд застыл, а сердце сковало ужасом. Вампир с трудом удержал свои инстинкты, заставляющие его бежать без оглядки, не останавливаясь ни на секунду.

«Спокойно, успокойся», – шептал он себе, рассматривая мрачных здоровенных мужиков, закованных с ног до головы в шипованный тусклый доспех, с неимоверными перевязями колюще-режущих предметов в арсенале, от которых за версту несло крупными и весьма плачевными неприятностями.

Десмос даже на секунду не усомнился в принадлежности сих бойцов и их роде деятельности, перед его взором вход в склад блокировало звено рыцарей бестиаров. Жизнь уже не раз больно преподавала ему свои уроки, он уже не раз рвал свою плоть об эти холодные шипы доспехов, каждый раз чудом минуя объятий смерти. Это бич наделенных даром метаморфозы, это сама смерть, в неподкупном своем лице из стальных масок и крепких рук, сжимающих бритвенно-острые орудия убийства.

Вампир замер, низко припав к полу и раздувая в ярости ноздри, возможно, кто-то помоложе на его месте и сорвался бы в бега, либо же совершил глупость, ринувшись на рыцарей в жажде убийства, но не он. Граф выжидал, внимательно следя за их действиями, вслушиваясь, всматриваясь и «внюхиваясь» в картину мира, всеми фибрами своего тела пытаясь уловить суть происходящего. А то, что что-то происходило, сомнений не было. Перед входом стояло звено из пяти рыцарей, чуть правей он слышал скрип ремней на перевязках еще одной группы и мог поклясться, что слева идет смутный запах волчьего корня, которым эти бойцы натирали свои одежды, дабы отбить свой запах. Это растение для старого матерого зверя вроде Десмоса было уже сродни тревоге предупреждения. Он, даже просто встречая эту травку за городом, в дремучих кустах вздрагивал всем телом, ну а уж здесь, посередине каменного мешка городских стен, другого толкования сей аромат не нес, все здание было оцеплено и находилось под контролем рыцарского ордена.

Но было еще что-то, некий образ еще чьего-то присутствия легким маревом маячил среди общего фона людских тел. Нечто зыбко неуловимое сродни тому, как если бы ты ощутил спиной чей-то пристальный и внимательный взгляд.

И это было плохо, потому как этого быть не могло. Здесь и сейчас именно он, Десмос, должен играть роль невидимки, а не кто-то третий. Медленно и плавно, словно рептилия или причудливое насекомое, вампир стал отходить к подвалу, продолжая внимательно, метр за метром сканировать окружающее пространство. Вот груды товаров, знакомые бочки и ящики, кучи тряпья и ворохи слежавшейся шерсти. Вот они бойцы рыцарского ордена, слышно, как со стороны улицы к ним катится какая-то телега, от которой идет жуткий фон из звериных тел. Вот, видимо, почему рыцари еще не внутри, ждут своих ищек верных. Но где же ты спрятался, незримый третий? Кто ты? Тина? Нет, чувство родства крови молчало, а значит, кто бы это ни был, он не вампир. Взгляд бегал по сторонам, пока вампир случайно не вошел в лучик света, на миг ослепивший его и вызвавший жуткую боль, а также заставивший дернуться голову, непроизвольно уводя взгляд куда-то вверх в мешанину потолочных балок крыши.

Боги!

Там! Там, под самой крышей в тени и скрытый от посторонних, находился темный и практически неразличимый силуэт замершего в неподвижности человека! Хотя стоп. Какого человека? Грациозно неповторимая осанка, утонченный корпус тела, пусть и скрытый в темной материи обтягивающих одежд, а главное, острый даже через расстояние, разделяющее их, режущий взгляд, зацепившийся за него, все так же плавно уходящего в подвал.

Ну что ж, игра принята, ты знаешь теперь, невидимка, что я вижу тебя и я теперь знаю, где ты, однако же оба мы останемся при своем, ибо что мне, что тебе совсем ни к чему показываться на глаза этих железных изуверов. Вампир достиг двери, закрывая ее за собой и проводя обратную волну трансформации.

– Что там? – набросились на него старушки.

– Бестиары. – Нервно сглотнул граф.

– Демоны их побери! – ужаснулась Априя.

– Но как они вошли в город? – Милана недоуменно уставилась на вампира. – Ваггет совсем рехнулся, что ли, впускать их?

– Это еще не все. – Граф руками стал показывать старушкам, чтоб поспешили собирать свое добро, разложенное на ступенях. – Срочно уходим, за этими молодцами приставлена Тень.

– Тень? – Две старушки округлили рты в немом удивлении.

– Да, там дьесальф, он заметил меня и отпустил, но боюсь, вопросы у его хозяйки возникнут, и очень скоро, о причине моего здесь присутствия. – Вампир постарался как можно тише выдвинуть язык засова на двери, дабы блокировать дверь. – Хорошо бы обрушить тон-

нель, сможете? Они не должны выйти к усадьбе Ульриха, там слишком много наших следов, если они спустят псов возле дома, ничто не помешает им выйти на мой клан.

– О, это не волнуйся. – Заулыбались сестрички. – Насчет что-то разломать качественно это ты, милоч, по адресу, обрушим тут все к такой-то матери.

* * *

– Командор Альва, собачки готовы. – Старший «псарь», обойдя свое хозяйство, подошел к ней, задумчиво постукивая по руке кольцами сжимаемого кнута. – Прикажете спускать?

– Все оцепили? – Она восседала на своем нервно всхрапывающем рысаке, задумчиво осматривая серые, покрытые плесенью стены склада.

– Мышь не проскочит, – ответил один из лейтенантов группы.

– Что у нас по зданию? – Повернула она голову в его сторону.

– В пяти кварталах от первого покойника мы немного порасспрашивали местных голодранцев. – Он презрительно сплюнул на землю. – Склад принадлежит местному преступному царьку, промышляют, насколько я понял, контрабандой. Возможно, обходя периметр зоны, и прошли бы мимо, но амулеты засекли мертвяков.

– О расспрошенных позаботились? – Она вскинула бровь.

– Да, для других «языками» они уже не станут. – Пожал тот буднично плечами.

– Призыв откуда был, засекли? – Она спешила, снимая с пояса тяжелые шипастые перчатки и натягивая их на руки.

– Нет. – Он отрицательно мотнул головой.

– Спускаем псов. – Альва кивнула обладателю кнута, снимая с седла арбалет, вставляя ногу в его стремя и не без труда взводя его пульсирующие мощью дуги. – Начинаем.

Дальнейших разговоров не понадобилось. Здесь среди присутствующих не было ни новичков, ни тех, кому нужно повторять дважды. Гулко стукнули борта телег, и на свет вырвались черно-серые поджарые тела собак, без понуканий и лишней суеты стаей ринувшихся по одному им видимому следу.

Впереди шли бойцы с тяжелыми башенными щитами, их страховали более легкие в вооружении бойцы с длинными пиками с багром, ну а прикрывали все это стальные клювы взведенных арбалетов. Сама Альва, не обладая физической массой, шла в замыкающих, поводя из стороны в сторону своим арбалетом и цепко метр за метром вылавливая все нюансы здания. Шаг, другой, видимой опасности не было с их стороны, впрочем, как и справа, краем глаза она улавливала среди нагромождения вещей соседнюю группу. Все вроде спокойно, но меж тем расслабляться не стоило, Шернье не была бы командором, если бы на интуитивном уровне не могла предсказывать опасность. Что-то определенно было не так, что-то до жути нервировало ее в этом затхлом нагромождении несуразных вещей, кто-то или что-то словно царапало ее своим взглядом, отчего она лишь нервно раздувала ноздри, оставаясь меж тем по-прежнему собранным и внимательным командиром.

– Замерли, – в полтона произнесла она, закрывая глаза, и даже не усомнившись в том, что сейчас вся группа, словно статуи, остановились недвижимо на своих позициях. Так их учили, и так учили ее. Не видишь глазами опасность, убери лишнюю картинку и посмотри тем, что тебя беспокоит. Она, закрыв глаза, прильнула щекой к прохладе гладкого дубового приклада, вздохнув для верности и успокоения чувств. В себе и своем умении сомневаться не приходилось.

Дуц!

Дуги арбалета мощно распрямились, повинувшись приказу спускового крючка, мягко, но ощутимо передав часть инерции по прикладу в плечо.

– Там! – Она не тыкала пальцами в потолочные балки, не теряла время, размахивая руками, она лишь расстроилась, взводя вновь свой арбалет, что стрела прошла мимо. Верткая полутень человека лихо изогнулась в тени, под кровлей пропуская первый арбалетный болт, а за ним и остальные. Фигура размытым контуром заскользила по стропилам, на невероятной скорости покидая периметр обстрела.

Три бойца ее группы, в самом легком облачении, тут же стали взбираться по опорным балкам наверх под крышу, в то время как остальные продолжили обстрел. О прицельной стрельбе речи не шло, мешали балки и сумрак, царивший в складе, а вот попытаться отсечь путь отступления можно было, с учетом того, что наверху уже были ее люди, с поясных ремней снимающие тяжелые шары метательных боло. Тут ведь в чем вся прелесть, с правой стороны Шед Варпгейнер, лейтенант, ведущий соседнюю группу, разумно оценил обстановку заводя и со своей стороны бойцов, арбалетным залпом отсекая и тот путь для отступления верткому поганцу.

Но, кем бы ни был незнакомец, был он явно подготовлен не хуже своих оппонентов. Один из бойцов, что ближе всех успел подойти по перекладинам, вдруг вскрикнул, срываясь из-под потолка вниз, Альва стиснула зубы, успев разглядеть тусклый блеск выброшенного фигурой метательного ножа.

– Аккуратней! – крикнула она, ощутив подошвами, как гулко бухнуло тело об пол, взметая клубы пыли и ломая ветхие ящики. – Бьем по залпам, два на два!

Два на два, старая проверенная тактика штурмовых групп, когда первые двое стреляют, а вторые держат цель, пока первые перезаряжаются. Это, конечно, не более опасный выстрел всех сразу, но более вяжущая тактика, которая не даст врагу простора для маневров. Опять же соседние группы уже сориентировались, выдвигаясь к ним на подмогу. Впрочем, результат в следующее мгновение стал два-ноль в пользу верткого супостата, еще один боец поймал смертельную сталь, умело запущенную его тренированной рукой.

Альва перекинула ремень арбалета через плечо, стала взбираться наверх в центр событий, ощутив, как по защищенному предплечью, со звоном ударило запущенное в нее лезвие. Старые балки скрипнули под ее весом, когда она на руках вытянула себя к верхним перекрытиям. Привалившись спиной к массивному деревянному столбу, она заложила стрелу в ложе, попытавшись выглянуть и чуть из-за этого не поплатившись глазом, так как метательный нож, вибрируя, засел в сантиметре от ее лица.

– Не давайте ему высунуться! – крикнула она своим бойцам внизу. – Отсюда я сниму эту гниду.

Но права народная мудрость: не говори «гоп», пока не перепрыгнешь, в рыцарское звено, исправно бьющее из арбалетов по цели, полетели уже не ножи, а запаянные стеклянные колбы, со звоном разлетаясь, ударившись об пол.

– Твою ж! – выругалась Шернье, когда из колб повалил густой удушливый дым, чья прогорклость даже здесь наверху ощущалась горечью в горле. – Уходите!

Дымом заволокло все вокруг, причем изрядно затруднив видимость даже под высоким сводом крыши. Народ внизу, пошатываясь и задыхаясь в кашле, кто как ринулся к выходу, в здании осталась лишь она и еще один боец чуть левее нее, прячущийся за массивным деревянным перекрытием.

– Лови! – крикнула она бойцу, кидая ему в руки свой арбалет и извлекая из ножен на поясе два длинных кинжала увеличенной длины, с обоюдоострой кромкой. – Держи его на прицеле.

Опустив лицо и прикрыв его закованной в сталь рукой, она на приличной скорости сорвалась с места, прекрасно держа баланс и немного опасаясь, что сталь противника все же отыщет лазейку в ее броне. Не без оснований, так как уже через пару ударов сердца она почувствовала холод железа, вспоровшего кожу на голове, и слегка, на мгновение, дезори-

ентировав неслабым ударом по черепу. Кровь мгновенно горячей тяжелой влагой побежала, щекоча шею прямо за шиворот, но все это не остановило ее, выводя на позицию ближнего боя.

Ух как сверкнуло! Ее верные клинки выбили сноп искр, скрестившись с похожими клинками в руках гибкого противника. Альва крутила сталь в ладонях, осыпая этого незнакомо-го бойца режущими протяжками, боясь идти на колющие удары, так как это плохая мысль – тянуться к противнику, открывая незащитный бок. Хороший класс у бойца, мало того что все удары принимались легко и плавно не в противоход, так еще и умудрялся корпус смещенным держать, памятуя, видимо, о втором бойце с арбалетом. И не зря он о нем вспоминал, даже Шернье вздрогнула, когда раздался щелчок и гул распрямившихся плечей арбалета. Опасно стрелял, мог и командору своему вогнать по оперению болт между лопаток, но что ни говори, результативно, стрела мотнула тело, затянутое в облегающие серо-черные одежды, с мягкостью входя в плечо ближе к груди и выбивая из рук противника один из ножей.

Секунда – и!..

Нет, столь драгоценное преимущество не было реализовано Шернье. Обрадовавшись, она заблокировала рабочую руку противника, попытавшись своей второй провести удар в низ живота, за что и поплатилась, схлопотав удар ноги в голову, от которого у нее перед глазами поплыли зеленые круги, и она за долю секунды осознала, что срывается с балки вниз, уже не успевая восстановить равновесие.

Приземление вышло тяжелым, ее счастье, что частично путь к земной тверди прошел через разлетающиеся в труху старые ящики, которые хоть как-то смягчили удар. Она даже сгруппироваться не успела по науке, чисто на инстинктах уже пытаясь смягчить удар ногами и руками. Боль пронзила все тело, воздух с сипом вылетел из легких, и сознание поплыло в мягкую, убаюкивающую темноту забытья, лишь на секунду успев блеснуть яркой молнией мысли, наполненной через край яростью и злобой.

«Останусь живой – убью суку!»

* * *

Спит. Нет, вы только посмотрите на нее, она спит! С раннего утра и считай до полудня принцесса, словно конь «тыгыдымский», носилась по городу, не обращая внимания на мои стенания и лишь отмахиваясь от меня со словами: «Прекратите “нудеть” барон, это вам не к лицу».

Мы были в магазине по пошиву платьев, мы были в магазине по пошиву зонтов и вее-ров, обошли невероятное количество ювелирных лавок, ели пирожные в каком-то заведе-нии «а-ля» кафетерий. Потом опять мерили платья. Нет, лично я не мерил, я молча, душой рыдал у примерочной, каждый раз изображая вежливую улыбку на вопрос принцессы: «А как вам этот наряд, барон?» Потом согласно кивал, что да, это и вправду прелестно и мило-премило, когда на ваших пальцах нанизано сто семьдесят девять тысяч всевозможных коле-чек и перстеньков.

Вот честно, еще немного и она б меня убила своей душевной простотой. А главное, ведь хитрая лиса! При виде нарядов городской стражи тут же хватала меня за руку, дабы я не смел сдать беглянку, и так проникновенно мне в лицо ресничками хлоп, хлоп, хлоп... Как женщины всем этим могут наслаждаться?! Это просто взрыв мозга, все эти рюшечки, бантики, то потрогать, то померить, туда всунуть нос, сюда всунуть нос, сделать круг почета, чтобы опять вернуться к тому же, что и было пять минут назад.

Мои ноги гудели от этой беготни, уши опухли от ее болтовни, а улыбка на лице застыла, сведенная судорогой, и напоминала больше волчий оскал, чем то, чем она являлась еще каких-то пару часов назад.

Но мое счастье, что нам на пути попался милый и ухоженный парк с разноцветными клумбами, ухоженным кустарником, разлапистыми деревьями с тенистой кроной и манящими ажурными лавочками, отлитыми из чугуна. Это было просто блаженство, когда я водрузился на лавку, вытягивая натруженные ноги. Бедная принцесса, похоже, тоже порядочно вымоталась, правда, в отличие от меня, была в взволнованно-радостном состоянии пьянящей свободы. Похоже, детеныш королевских кровей впервые находится в конфронтации собственных интересов и желаний своих родителей, а также помножил все это безумство на подростковую сумасбродность с бесшабашностью. Ну да, кто таким не был? Все мы когда-нибудь впервые сбегает из дома, прямо как в песне старинной госпожи Ревякина:

Не ищи меня, мать, ушел день обнимать.
Ты прости меня, мать, – пропал ночь обнимать.
Чья беда, что мы все навсегда уходили из дома.
Времена, когда мы навсегда уходили из дома.
Это было тогда, когда мы уходили из дома.
Времена, когда мы навсегда уходили...

Да уж, юность бесшабашная, не хочу и баста, хочу гулять, подите прочь, мне недосуг. Глупость несусветная, но не мне судить сего «ребятёнка». Неприятно то, что я, со своим багажом занудного жизненного опыта, могу с точностью до секунд предсказать уйму всевозможных неприятностей, что обрушатся на мою голову, когда во дворце не досчитаются этого торнадо.

Катрин первое время еще вертелась на лавке, извергая на меня поток всевозможной щенячьей радости, облеченной в словесную форму, пока полуденное солнышко не набрало силы, даря земле с запасом жара и пресекая на корню любое желание, резко двигаться, погружая все в сонную звенящую тишину этакой местной фиесты. Юная леди стала потихоньку «кунять», голова опускалась к груди, и наконец она, совершенно наплевав на так любимый ею этикет, растянулась в полный рост на лавке, используя вместо подушки мои коленки.

– Я на пять минуточек, барон, закрою глаза, честно-пречестно... – затухающим голосом прошептала она, оставляя меня один на один со своими внутренними демонами-мыслями посреди мерно угасающего уже великолетия летнего парка.

Спит. Просто спит, счастливая, видимо, до безобразия и радостная от своей свершенной глупости. Хорошо сидим. Я в задумчивости рассматривал редких прохожих, в основном уже пожилых людей, что во всех мирах и в любом столетии всегда стайками слетаются к таким вот одомашненным уголкам природы в эпицентрах каменных городов. Ну а они в свою очередь рассматривали нас, кто с покачиванием головы, этак осуждая, а кто с улыбкой на лице, ибо сам был грешен счастьем молодости и моментами, когда вы, взявшись за руки с прелестной прелестницей, гуляли и обнимались, не замечая условностей серого мира.

В такие моменты в моем старом циничном сердце просыпается желание глобально романтизировать сей грешный мир, да вот реалии действительности всегда нам укажут, рожденным ползать, что мы летать не можем. Мой мочевого пузырь стал нервничать и с угрозой поглядывать в сторону затянутого розовой дымкой сознания, как бы намекая на то, что пора бы вспомнить о насущном и посетить во-о-о-н те кусты, к примеру.

С каждой прожитой секундой вся прелесть мира все больше и больше сходила на нет, разжигая в груди настоящую бурю страстей, а также мыслей, главной из которых была: «А что будет, если я не добежу?»

Испытывать судьбу желания не было никакого, посему я постарался как можно мягче и незаметней произвести замену своих ног на свой вещмешок под прелестной головкой пани принцессы. Похоже, результативно. Она даже не пошевелилась, когда я медленно встал с лавки, вслушиваясь в ее мерное дыхание. Ну что ж, маленькая, но победа. Веселым аллюром я проскакал через оградку и газончик к дутому зеленому шару пушистого кустика, трясущимися руками нащупывая в штанах сокровенное, дабы с облегчением выдохнуть спертый воздух в груди. Делая свое черное дело, я вертел головой по сторонам, опасаясь прохожих и на свою беду совершенно позабыв прикрыть тыл.

– Барон! – страшный шепот долетел до меня из-за спины. – Это что у вас такое?

– Япона мать! – на чистом русском огласил я окрестности, за малым от изумления не надув себе за воротник, и уже на финорском, страшно округлив глаза, обратился к принцессе: – Катрин, ты же спала?! Как тебе не совестно, так тихо подкрадываться к людям?

Я суматошно дергал шнурочки-завязки на штанах, пытаюсь заправить свою свистульку обратно трясущимися руками, ощущая, что краснею, бледнею и заикаюсь одновременно. Вот же паршивка, чуть до смерти не напугала!

– У вас такое лицо было, когда вы ускользали, загадочное. – Она растерянно рассматривала мою суету сует. – Я и подумать не могла, что вы... эм-м-м... Казалось, будет нечто другое, не то, что сейчас...

– Боги! Принцесса, я вас умоляю, отвернитесь уже, иначе я никогда эту сосиску назад в штаны не затолкаю! – рассердился я сам на себя за свой мандраж.

– Ой, простите! – Она еще умудрилась присесть с растопыркой платья передо мной, прежде чем отвернулась.

– Это вы меня простите. – Я наконец-то совладал с руками и всем остальным. – Право слово, так неудобно вышло.

– Бабушка говорит, что естественно, то не безобразно, – ввернула она старинную мудрость. – И уж если совсем по совести, барон, думаю, теперь моя очередь.

– ...! – У меня не было слов, когда она произнесла это, повернувшись ко мне и залихватски подмигнув.

– О, полноте, барон! – Она улыбнулась. – Все мы люди, давайте, не стойте столбом, пропустите даму и будьте так добры, последите за дорожками, дабы перед людьми не оконфузиться.

Вот она суровая правда жизни, принцессы тоже... кхм... люди. Назовем это так и, как говорится, пусть бросит камень тот, кто не без греха.

– Молодые люди, вы совсем, что ли, с ума сошли? – раздался суровый мужской голос. – Это вам не нижние городские кольца, где можно справлять нужду где попало!

– Ой! – пискнула Катрин, а я с замиранием сердца устоял на патруль городской стражи из трех сурового вида дядечек, что, насупившись, взирали на нас.

– С виду приличные люди! – Мужчина с нашивками на рукаве, явно старший группы, пихнул своих сослуживцев, дабы те отвернулись от суетящейся дамы. – Что скажут ваши родители?

– Товарищ милиционер. – Я задумчиво почесал затылок, поправившись: – Господин стражник, вы уж простите нас, так уж вышло, с утра на ногах, такой суматошный день.

– Отлично, – фыркнул он. – Мы тоже с утра на ногах, предлагаете нам теперь к вам присоединиться?

– Нет, э-э-э... – Признаться честно, я как-то растерялся, в этом мире меня еще за безобразие не останавливали полицаи.

– А вообще не ваше дело! – в беседу пылающая румянцем стыда и гнева вклинилась принцесса. – Вы даже не представляете, с кем имеете дело!

– С двумя сыкунами, которые возомнили, что их происхождение может прикрыть их свинское поведение! – без церемоний, на грубой ноте перебил ее старшина. – А теперь оба пойдете в наш участок, где предоставите письменные объяснения своим непотребствам и выплатите штраф!

– Никуда я не пойду! – Катрин звонко припечатала каблучком по брусчатке. – А ваше хамство вам еще выльется!

– Так вы еще не все вылили? – Расплылся в улыбке страж, подловив ее на слове.

– Я принцесса Катрин, грубый ты мужлан! – Принцесса гневно сжала кулаки. – Не смей подобным тоном разговаривать со мной!

– Ага, а я тогда Митсвел Первый буду, – расхохотался стражник. – Пройдемте, принцесса, вас ожидают ваши королевские покои!

Вот такие пироги с котятами, меня, да что меня, пупочек местной знати под белые ручки уводил патруль городской стражи прямехонько в участок, где, помимо красных ушей и кучи неприятностей, я все же ожидал спасение из безвыходной ситуации, в которую меня втянула мадемуазель Катрин. Стыдобища, конечно, но куда деваться? Может быть, так слух о пропаже принцессы быстрее дойдет до нужных ушей, и беглянку наконец-то вернут на место?

Но мы лишь предполагаем, а господь располагает. В участке меня и шипящую, как рассерженная кошка, принцессу, умудрившуюся не только поссориться со стражей, но и пару раз лягнуть в коленку старшего офицера, без лишних разговоров проводили в камеру. Довольно приличную, надо сказать, с лавками и чистым полом, все же, что ни говори, второе кольцо, здесь принимают только важных гостей.

– Ульрих, едрена мать, ты ли это?! – Естественно, в камере мы были не одни.

– Вырви глаз, точно – он! – С порога меня облапили две пары здоровенных ручищ, а от помятых морд жутко несло матерым перегаром.

– Хватит, медведи! – сипло, придушенным голосом пропищал я. – Задушите ведь, мракобесы!

– Оу-у! – Один из здоровяков пихнул в бок своего дружка. – Гляди-ка, а барон-то не один к нам в гости пожаловал!

– Здравствуйте, господа. – Катрин изобразила галантное приседание. – Я так понимаю, вы знакомы?

– Знакомьтесь, ваше высочество. – Тяжело выдохнул я, выбираясь из объятий. – Бароны Рамус и Трим Гердскольды собственной персоной.

– Ох и зажжем мы сегодня, чувствую! – Расплылся в улыбке Трим, потирая руки.

– Эт мы всегда пожалуйста, правда, Ульрих? – поддержал его смехом братец.

– Господи, спаси и сохрани! – Воздел я печальные очи к потолку.

* * *

На присутствии императора при приеме посла настояли сами дьесальфы. От чего де Кервье не была в восторге, хоть и в какой-то мере вынужденно смирилась с присутствием данной персоны в своем доме. Своей жизни, в своем прошлом и, похоже, будущем ее детей.

Уже привычно она заняла свое место в низком кресле далеко за плечом сына, тяжело вздохнув, но меж тем цепким и живым взглядом отмечая всех присутствующих и в голове прокручивая их подноготную, их мотивацию, желания и чаянья.

Вот король, немного сумасбродный, вспыльчивый и рассеянный по мелочам, но такой родной ее сердцу любимый сын. Вальери, не кривя душой, признавала в нем все минусы и плюсы его характера. Она внутренне усмехнулась, ибо Митсвел был чуть ли не точной копией ее покойного мужа. Сумасбродство, которое в народе воспето как храбрость, пол-

ное наплевательство на условности и порядки, что все тот же народ воспринимал как самоотверженность. Он идеальный образ короля, он словно сошедший со старинного гобелена повелитель, чья стать должна внушать уважение, а мощный голос звать за собой на битву с врагами короны. Люди таких любят. Она сама когда-то давно полюбила подобный образ блистательного рыцаря без страха и упрека. Но не все так просто. Все далеко не просто, потому как она прекрасно знала цену этого образа и подобного склада характера. Подобные люди плюют не только на мировые устои, им еще наплевать на тех, кто рядом, на тех, кто своей любовью поддерживают этот сверкающий ореол славы и мужества.

Благо есть Паскаль. Она улыбнулась, коснувшись взглядом утонченного молодого человека, сидящего по правую руку от короля. Вот куда делись мозги их династии. Она поджала губы, встретившись взглядом с холодной красотой женщины, что так же, как она, рассматривала присутствующих.

Да уж, что ни говори, а император приложил руку к воспитанию принца. Только сейчас Вальери со всей ясностью уловила этот контраст характеров и холодность расчета, а также общую разницу между тем, что смогла воспитать она, и тем, что выросло под негласным контролем незримого наставника. Она уже не раз в общении с принцем отмечала, что то, что люди воспринимают в нем как мягкость, на самом деле скрытая насмешка над ними. Говоря с людьми, принц скрывает свое превосходство, не выставляя свое нутро, он словно хамелеон меняет окрас в зависимости от ситуации, внутренне не раскрываясь и оставаясь при своем. Хороший будет правитель в будущем, такому палец в рот не клади.

Де Кервье задумчиво искала взглядом вторую половинку принца, принцессу Катрин, нахмутив брови, когда не обнаружила ее персоны в зале.

– Ганс. – Она пальчиком поманила стоящего за ее плечом главу стражи. – Где принцесса?

– Не могу знать, госпожа, – несколько стушевался тучный Гербельт.

– Так узнай, – цыкнула она на него зло.

Меж тем в зале в дело вступили герольды и мажордомы, принявшись за речитативы титулов присутствующих и, так сказать, вновь поступающих. Это было впервые и вновь, событие приема посла дьесальфов в королевстве выходило вон из разряда привычного мировосприятия, особенно если учесть, что представлять послов при короне будет уполномоченный посол Детей Солнца.

Странные времена наступают. О подобном раньше и помыслить бы никто не мог, де Кервье задумчиво покачала головой. Похоже, что идет глобальный передел власти в мире, и то, что впервые императорский двор находится в Финоре, в лице не противоборствующего государства, а в лице партнера и союзника, далеко не первый план мировых сил. Хотя скорей всего именно это и послужило тем толчком, что вызвал эту лавину новой градации среди присутствующих на большой игровой доске.

Финор – лакомый кусочек с длинной историей и немалыми землями, а вот в союзе с империей это вообще получается титан на политическом плане мировых держав. Вопрос серьезный, и куда как глубже двух правящих династий. Прав был Ульрих, мы еще только собираемся макнуть перо в чернильницу, а незримые нити из денег уже связали нас всех плотней стальных цепей и кандалов. Не могли эльфы не отреагировать на столь высокую ступень в развитии человечества, но вот кто мог ожидать, что для переваривания нового союза старшей расе понадобится так же входить в союз со своими заклятыми врагами?

– Ульрих еще во дворце? – Экс-королева вновь поманила пальчиком к себе Гербельта, тихо шепнув ему на ушко: – И что там с Катрин, нашли ее?

– Барон Рингмар дворец покинул. Принцессу пока ищем, – пришел ей ответ.

Значит, Ульрих ушел. Де Кервье немного расстроилась. В последнее время ей было как-то спокойней внутренне, когда этот мальчик находился рядом. Странное сочетание простоты

и немалого разума скрывалось за внешностью этого юноши. Он с легкостью выстраивал многоуровневые ходы, он прекрасно оперирует большими суммами, решая мутные экономические дилеммы, и при всем при этом не теряет своей внутренней человечности и жизненной моральной позиции. Хорошее качество, но опасное. Моралисты у власти подобны молниям, они блистают, они красивы, но они смертельны для всего, чего ни коснутся. Впрочем, дойдет ли он когда-нибудь до власти, это еще вопрос. Нужно будет хорошенько переговорить с Ваггетом, нужно будет взять под свое крылышко баронессу Когдейр, этого паренька лучше бы всего по старинке упрятать куда в подземные чертоги дворца от всего мира подальше. Помнится, ее покойный батюшка держал в фамильном замке такого советника. Хороший был советник, умный, умел просчитывать все ходы наперед, да вот папеньку не просчитал. Нест де Кервье запер его до скончания его дней в темницу, пользуясь его немалым умом, но не давая тому воли. А как вы хотели? Доверенные советники семьи должны оставаться доверенными советниками одной семьи, и дабы исключить возможные альянсы, а также предупредить возможную утечку информации, советник обитал под землей за семью замками, не зная отказа ни в чем, кроме свободы.

Де Кервье с интересом покатала эту мысль в голове. Собственно, а почему бы и нет? Тут ведь главное приручить и прикормить его женушку, может быть даже отпрыска ей организовать, а паренька припрятать. Он молодой, долго проживет благодаря магической инициализации, если ему организовать все условия для труда, он будет хорошим помощником не для одного поколения финорских королей. Книжек ему там всяких организовать, пусть сидит да пишет, и сам целее будет, и польза для королевства.

Ее размышления прервались вошедшей в приемный зал первой фигурой эльфийского представительства, а именно небезызвестным ей Леофолем Лауреканом. Этот красивый, утонченный и изысканный образец Детей Солнца уже на протяжении, наверно, сотни лет служит послом при дворе финорских королей.

Вальери де Кервье внутренне принялась аплодировать, когда она, наконец, осознала, во что превратился заносчивый и надменный эльф. Вот так дела! Нет, она, конечно, получила подробный отчет о том, во что де Тид превратил посольство в городе, но сведений о том, что стало с Лауриканом, не было. Теперь же, пожалуйста. Как говорится, все на лицо. От бывшего величия остался жалкий полуслед, эльф еще сохранял осанку и пытался играть голосом, но изуродованное лицо и отсутствие глаза скрыть было нечем.

Род Вальери был одним из древнейших, в ее крови была не одна унция королевских династий, не говоря уже о немалом опыте и прекрасном образовании не под современную копиру. Экс-королева знала, кто такой де Тид, и невольно прониклась уважением к этой загадочной и древней персоне.

По окончании длинной и витиеватой речи Лаурикана на арену наконец-то вышла новая грань незримой власти, новая сила, доселе неизвестная в этой оконечности мира, и как она поведет себя в будущем, это еще предстояло выяснить.

В зал, под рев горнов, в сопровождении свиты в изысканных кружевных нарядах черного шелка, украшенных яркой алмазной расшивкой, что мерцала радугой в лучах солнца, пробивающегося через витражи, вошла Великая Дочь Луны Тайшана Ледельер.

Да уж, разница была ощутима. Финор привык к льесальфам, строгим, на грани с надменностью, но здесь все упиралось в противоположность, а именно в грань вседозволенности. Если льесальфы были держателями моды, основанной на традициях, этикете и каких-то моральных качествах, то здесь наряды кричали о совершенно противоположном. Открытые шеи, полупрозрачные ткани, свободный раскрой ног, все воздушное и, в отличие от привычных форм, призванных скрывать тело, их одежды, казалось, наоборот, были призваны подчеркнуть наличие того самого выше упомянутого тела.

«Вот сучка!» – про себя подумала бывшая королева, отметив, что при желании взглядом можно было выцепить местоположение сосков на груди красивой дьесальфки, идущей во главе процессии.

«Кобель!» – все так же про себя скрипнула она зубами, прекрасно уловив взгляд своего сына, направленный в небезызвестном ей направлении.

Ледельер, как весь эльфийский род, не была высока, но завораживающей грацией и статью могла свести с ума любого. Все при ней, и попочка поджарая, и линия ног, головку держит так, что даже нашей императрице впору обзавидоваться и взять на заметку. Хороша демоница, не идет, а перетекает, а еще глаза томные, людям такие не снились даже. Огромная радужка, практически неуловим белок глаза, такие могут свести с ума. Вот, кстати, и первое отличие. Старой королеве еще никогда не попадались эльфы с темными глазами. Были серые, сталистые, были голубые холодные, у того же Лаурикана зеленые кошачьи, а здесь же во взгляде была непробиваемая ночь. Темные омуты на лице, глубокие и живые, да уж, с такими в гляделки не поиграть. Опять же волосы. Вороново крыло, не просто так сказано, а с таким же отливом, словно в черном, сверкает призма радуги, сокрытая в тенях черни. Все подобрано безукоризненно, все идеально и утонченно. В черные волосы вплетена серебряная нить с россыпью алмазов, высокий лоб подчеркивает идеальной работы диадема, весь наряд с хозяйкой единое целое, единая изысканная композиция, созданная умелым художником.

«Ну, хоть что-то покажи в минус!» – фыркнула мысленно де Кервье, с радостью отмечая некий диссонанс на правом плече темной эльфийки. Платье шло вырезом по косой, открывая высокую шею и левое изящное плечико, а вот на правом, ближе к изысканному бугорку груди, было что-то подложено под платьем. Почти неуловимый выступ, но и это бывшая королева посчитала за хороший знак. Так сказать, мелочь, а приятно.

Заунывные речи, пространные обещания, заверения в дружбе и взаимной любви посыпались от послов к короне и от короны к послам. Старая королева в свое время уже наелась всего этого через край, посему откровенно скучала, ну а если быть точнее, уже успела даже разозлиться на все то действие, что открывалось ее взору из-за спины ее венценосного сына.

– Ганс. – Поманила она своего верного помощника. – Что известно о принцессе? Почему ее нет? Неужто приболела?

– Минутку, госпожа, – ответил тот шепотом. – Идет мой посыльный, сейчас все узнаем.

Вальери де Кервье задумчиво вернулась взглядом к мастерски улыбающейся темной эльфийке, про себя клятвенно заверив все высшие силы, что скорей открутит родному сыну все хозяйство под корень собственными руками, чем позволит Митсвелу прикоснуться к этой черной змеюке. Хитра, ой хитра! Бывшая королева по взгляду прекрасно оценила всю внутреннюю составляющую нового посла, не без улыбки отметив, как в противоположном конце зала с злостью и неприкрытым раздражением на Ладельеру смотрит императрица, чью красоту сегодня попрали прелестные ножки этой черноволосой бестии, отодвигая ее далеко в сторону.

– Госпожа Кервье! – Тяжело сглотнув, наклонился к ее уху Гербельт. – Только без нервов...

– В чем дело? – Она подобралась, недобро сузив свой пристальный взгляд.

– Катрин сбежала из дворца, – запнувшись, произнес Ганс. – Она тут вам письмо оставила...

Вальери, с виду спокойно, но внутренне крича от злости в голос, мягко развернула сложенный вчетверо аккуратный листок послания.

«Ба, не гневись, пожалуйста!»

Ба, вздохни и не нервничай.

Бабуль, ну правда, не сердись, ведь ты одна всегда меня понимала, я только тебе могу доверять!

Бабушка, вздохни и не сжимай кулаки, я, кажется, влюбилась!»

– Мкх-р-р-кх! – Сквозь стиснутые зубы с трудом протиснулось из старенькой женщины. Руки у нее задрожали, а смятый листок, кружась, упал на пол. О-о-о! Какое это было чудовищное усилие для человека! Стороннему даже половины эмоций было не прочесть по вроде как умиротворенно безмятежному лицу седоволосой пожилой женщины. Ох, как ей сейчас хотелось вскочить и зарядить с ноги по яйцам Гербельту, подхватить стул и разбить его о голову тупорылого папочки короля, выдавить пальцами глаза беспутной мамаше, что сидит умиротворенно рядом с мужем и даже не подозревает, где сейчас находится ее дочь! Одним махом вырвать алебарду из рук гвардейца, чтобы крошить ей в кровавый фарш всех присутствующих в этом зале, невзирая на чины и звания, а потом прыгать, торжествуя на их смердящих внутренностях, раскиданных по мраморному полу!

О, да! С каким бы она удовольствием раздолбала бы сейчас здесь все в щепу и пыль! Разорвала эту лицемерную толпу на куски голыми руками, схватила в левую руку отрубленную голову императрицы, а в правую голову лицемерной эльфийки, чтобы ими колошматить и добивать всех прочих, кто бы посмел проявить в этой агонии хоть малейший признак жизни!

– Госпожа Кервье, как вы? – Склонился к ней Гербельт, жутко потая и краснея.

– Ну-ка поднял листок, сучонок толстожопый! – Все так же продолжая внешне оставаться безмятежной, мягким вкрадчивым полусшепотом произнесла она.

Глава королевской стражи правопорядка не без волнения исполнил указ своей госпожи, вновь протягивая ей выроненный до этого листок бумаги.

«Бабуль, ты главное держи себя в руках, постарайся никого сильно не убить. Хотя бы просто постарайся много кого не убить, а то ты у меня всегда все принимаешь близко к сердцу. Тебе нельзя волноваться, и главное это то, что все под контролем, я знаю, что делаю!»

Да, и еще я подозреваю, что скоро ты спустишь всех своих псов с поводка, чтобы разыскать меня, за что, конечно, искренне благодарна тебе и век буду обязана...»

В этом месте маленькая старушка невольно шмыгнула носом, видимо крайне расчувствовавшись.

«Очень люблю тебя, бабуль, никому постарайся не рассказывать о случившемся, прикрой там меня, сколько сможешь. Это пусть останется исключительно между нами, девочками, остальные не поймут, они тупы и непроходимы, а мои чувства живы и не дадут мне покоя, пока я жива. Постараюсь во всем разобраться как можно быстрее, а то уже самой надоели эти душевные переживания.

Все, люблю тебя, ба, обнимаю, целую.

Твоя Катрин».

Маленькая старушка улыбнулась, платочком промачивая скупую, едва заметную слезинку, попытавшуюся сбежать по ее щеке. Эх, молодость! Эх, Катрин! Как же я тебя, моя маленькая, понимаю, и как же я тебе, мой маленький огонечек, сочувствую, ибо чувства эти, что рождаются в нашей женской груди, всегда несут горечь обмана и разочарования.

– Сюда слушай, – обернулась она к застывшему и побелевшему Гербельту. – Если что-то где-то как-то с ней! То я тебя не знаю что! Понятно?

– Угу, – кивнул затравленно тот.
– Вот и отлично. – Она вновь улыбнулась, выискивая в письме нужные строчки. – Давай, Ганс, не подведи, спускай всех псов с поводка...

* * *

– Командор, вам нужно отлежаться, это чудо, что вы остались в живых! – Вокруг Альвы Шернье суетился подслеповатый, но еще крепкий дедок, что исполнял при рыцарях лекарские обязанности, заодно приглядывая за псами, так как в прошлом служил на псарне их ордена.

– Отстань, Шег. – Она поморщилась от боли, вновь после перевязки с трудом натягивая на себя свой доспех. – Зови старшину.

В комнату, где ее пытался подлатать старый Шег, вошел высоченный здоровяк, с недовольной миной осматривающий разложенные стариком склянки с лекарствами.

– Докладывай, Тоберг, – произнесла она, жестом показывая, чтобы тот помог затянуть ремни на доспехе.

– Вот. – Здоровяк, не церемонясь, принялся сводить вместе ремни доспеха, перед этим бросив на лежанку перед Шернье длинный изогнутый кинжал.

Она узнала его сразу, это был именно тот кинжал, что выбил из рук ее противника арбалетный болт второго бойца, что был с ней вместе в том складе.

Увеличенная длина лезвия, изогнутый контур клинка, заточка, в отличие от ее кинжалов, односторонняя. Рукоять, шнурованная черная кожа, но не все это останавливало взгляд на нем. Взгляд приковывала к себе эмблема контурного паука, что клеймом был выдавлен в начале лезвия, недвусмысленно давая определение тому, кто являлся хозяином сего смертельного оружия.

– Боги поднебесной! – выдохнула Шернье. – Дьесальфы! Это же знак их Теней!

– Именно. – Зло оскалился рыцарь. – Только это не всё.

– Говори! – Сверкнула она глазами в его сторону.

– Пока мы здесь тебя латали, угадай, в чью честь во дворце короля идет прием. – Тоберг сплюнул на пол. – Наш король принимает у себя целую делегацию дьесальфов!

– Ты вообще соображаешь, что говоришь? – Она замерла, широко раскрыв глаза. – Это же темные, им запрещено появляться в Финоре, таков договор между людьми и льесальфами, если кто-то из них появится здесь, то будет неминуемая война!

– Войны не будет. – Покачал тот головой. – Это послы, и их привел светлый, с разрешения кланового главы Дома Солнца.

– Но как же так? – Она свела зло брови. – Ведь это враги, это всегда были наши враги! Это они очернили землю своим мерзким дыханием запретной магии!

– А теперь это званые гости в столице нашей короны. – Печально покачал головой великан.

– Гонца! – выдохнула она. – Шли гонца магистрам ордена! Мы преданы! Дом Солнца и корона предали верных сынов света!

* * *

В город они вновь смогли попасть уже, когда жар полдня пошел на убыль, а в лучах солнца, идущего к горизонту, стали пробиваться первые алые тона закатных красок. Они обрушили за собой первый из тоннелей контрабандистов, дабы отсечь возможное преследование за собой, но старушки упорно настаивали на том, чтобы вампир вместе с ними вернулся назад за стену в поисках пропавшей гончей.

К моменту, когда они добрались окружными путями к небезызвестному складу, от народа там было не протолкнуться. Местные зеваки окружили то, что от него осталось, обсуждая и строя всевозможные догадки. Похоже, маленькое землетрясение было последним испытанием ветхого здания, так как частично кровля обрушилась, оголяя деревянный каркас балок.

Поиски, как и положено, начали с расспросов, рассредоточившись, две старушки искали в толпе самых говорливых, выясняя подноготную местной вечеринки и собирая слухи. Пока выходило следующее: бестиары кого-то нашли в складе, причем, насколько можно было судить, находке не очень обрадовались, люди говорили, что минимум двоих-троих отряд рыцарей потерял, а вот был ли результат, непонятно. Людская молва сразу же приписала тому, за чем охотились рыцари, целую вереницу убийств, которая в последнее время захлестнула улицы, но в отличие от домыслов, вампир знал правду о том, кого на свою голову повстречал орден.

– Что нам известно? – произнес Десмос, когда две разведчицы вернулись к нему.

– Более чем достаточно. – Хмыкнула Априя. – Уже больше двух десятков покойничков на счету нашей беглянки, город бурлит, видимо, власти потому и призвали сюда рыцарей, так как сами ума приложить не могут.

– Почему к нам не обратились? – задумчиво произнесла Мила. – Или к Ваггету? У этого старого хитрована, помимо нас, работающих на Кервье, есть и свои специалисты под рукой.

– Скорей всего, из-за приезда императора. – Пожал плечами граф. – Думаю, сейчас все, кто более или менее при силе, находятся во дворце, денно и ночью следя за бестелесным.

– А дьесальфы откуда взялись, непонятно? – спросила сестру Априя.

– Вот тут нечто непонятное. – Милана задумчиво прикусила губу. – Народ говорит, что в город прибыло самое настоящее посольство Детей Луны.

– А так разве можно? – Удивленно вскинула брови Априя.

– Похоже, да. – Развела руками ее сестра. – И не смотрите на меня, современный мир давно сходит с ума, и то, что еще вчера было нормой, сегодня после обеда может оказаться давно забытым пережитком прошлого.

– Ничего удивительного, что в первом кольце нет ни одного мага, – задумчиво произнес вампир. – Сейчас эпицентром силы является дворец, думаю, туда стянуто все, и здешний контур просто отдан на откуп рыцарям, чтоб те хоть как-то наводили здесь порядок.

– Ладно, рыцари, ладно, маги, – согласно закивала головой Милана Хенгельман. – Но что здесь делал боец дьесальфов? Им-то что с нашего песика?

– Может, он следил за бестиарами? – предложила свое объяснение Априя.

– А может, им нужен де Тид. – Поджал губы Десмос.

– Поясни. – Обе сестрички уставились на графа.

– Дом Солнца погорел, здесь в этом городе льесальфы получили по соплям, поплатившись за свою самонадеянность. – Граф тщательно подбирал слова, озвучивая мысль, засевшую у него в голове. – А темных без протектората со стороны Детей Солнца никто бы не стал принимать при дворе. Думается мне, этот размен сфер влияния плата за голову де Тида, и кто-то слил темным информацию о передвижениях графа по городу. Бойцы темных идут по его следу, и боюсь, как бы он не привел Теней к нам на порог.

– Типун тебе на язык, – замахали на него руками бабульки.

– Нам нужно найти ее и как можно быстрее. – Отмахнулся от них граф. – Она вольно или невольно, но укажет на Ульриха и вас, между прочим.

– Тину? – Закивали старушки. – Это да, бесовка ползет, сама того не желая, под бок к нашему парню, она чувствует его, и как бы не натворила дел при встрече.

– Так с чего начнем? – Вампир выжидательно посмотрел на них.

– По традиции – с покойников. – Пожали обе плечами. – Нам нужны покойники, которые бы видели нашу девочку.

Легко сказать, куда сложнее сделать. Тройка следопытов все так же по следу слухов и наводкам местных болтунов стала описывать круги по городу. Что ни говори, а времени прошло немало с тех пор, как одна из гончих перебралась в город, и вроде как покойников на ее счету было немало, но вот проклятая человеческая привычка хоронить трупы несказанно нервировала старушек, отчего они ворчали и всячески гневно поджимали губы. По списку им уже были известны пятеро упокоенных и частично скушанных товарищей Тины. Ноги услужливо донесли их до местного кладбища, но вот собственно до дела руки так и не дошли, в связи с тем что местное кладбище, пока еще светило солнце, оставалось на удивление людным местом, где помимо зрителей, проводывающих, провожающих в последний путь свою родню, присутствовала целая кодла каких-то голодранцев, для которых местные могильные плиты служили домом родным.

– И что теперь? – Граф обескураженно оглядывался по сторонам.

– Ждем темноты и думаем. – Философски пожала плечами Априя.

– Пирожок кто-нибудь будет? – спросила Милана Хенгельман, расстилая на чьей-то могилке платочек и выставляя на него свои припасы.

* * *

Ветра не было, воздух замер, наполненный ароматами уходящего дня. Красивая высокая женщина сидела в одиночестве на лавочке в тихой аллейке, что была сокрыта меж высоких деревьев дворцового парка.

Тихо.

Ни листочек, ни травиночка не шелохнутся, день суетой уходил на излете багряных закатных тонов солнышка, что уже не было видно за дворцовыми стенами и постройками. Спина прямая, руки аккуратно сложены на коленках, светло-голубое платье дополняла высокая прическа на лебединой шее с россыпью драгоценных камней, что сверкали кристаллическим холодом, схожим чем-то в своей красоте со взглядом обладательницы сего великолепия.

– Здравствуй, Гальверхейм. – Противоположностью первой женщины рядышком с ней на скамеечку присела черноволосая красавица, заботливо расправляющая подол своего темного платья. – Давно не виделись, Галчонок.

– Здравствуй, Тай. – Женщина, не отводя взгляда от лучей заходящего солнца, слегка кивнула головой. – Время идет, Дочь Луны, когда-нибудь мы должны были вновь встретиться.

Тихо.

Ни листочек, ни травиночка не шелохнутся, день и вправду выдался суетный и богатый на события, что, впрочем, характерно для живущих и на что было наплевать замершей природе, ведущей свой бег по другим законам и принципам.

– Отдай Алексиса. – Через какое-то время произнесла черноволосая, поджав губы.

– Есть причина? – Первая женщина вскинула бровь и слегка повела плечами.

– Множество. – Темные волосы всколыхнулись нервной волной.

– Хм. – Первая расплылась в улыбке. – Дай-ка подумать о сути вещей. Наверное, все дело в политике, верно? Так давно идет противоборство между домами – и вдруг шанс выйти на новый уровень. Или возможно, дело во власти? Это же новая земля, старшие клана трясутся и писаются от счастья, которое идет им в руки с Финором.

Тихо.

Женщины умолкли и замерли, словно две статуи, полуприкрыв веки и вроде как не обращая друг на друга внимания.

– А может быть, кто-то посмел сделать больно Лео? – произнесла высокая красавица, отмечая, как сжались кулаки черноволосой. – Может, кому-то наплевать на дома, власть, последствия и на то, что кто-то что-то где-то подумает и скажет? И все дело на самом деле в...

– Прекрати. – Фыркнув, взмахнула рукой темная.

– Ладно. – Пожала плечами первая. – Как скажешь, моя дорогая.

– Отдай мне Тида, Гальверхейм! – Темные бездонные колодцы больших глаз впились в невозмутимую и холодную красоту спокойной и умиротворенной женщины.

– Бери. – В ответ на взгляд пришла мягкая тихая улыбка. – Он уже ждет тебя, Тай.

– Ты говорила с ним? – Бездонные черные колодцы продолжали гипнотизировать своей непроглядностью и глубиной.

– Да. – Пришел мягкий наклон головы.

– Он знает о договоре между домами? – Темная задумчиво уставилась на свои сжатые кулаки.

– Конечно. – Вновь кивнула высокая женщина.

– Кто остановил его? – Темная поднялась отвернувшись.

– Ваггет, – пришел ответ.

– Как? – вновь последовал вопрос.

– У него на руках сердце его сына, – вздохнула высокая.

– Как опрометчиво, – хмыкнула черноволосая красавица.

– Весьма, – рассмеялась высокая.

– Спасибо, буду должна. – Черноволосая не прощаясь пошла прочь.

– Сочтемся, дорогая... – в спину ей произнесла первая, возвращая свой взгляд уже практически к потухшему небу. – Сочтемся.

– Сучка, – выдала свое заключение пожилая леди, дождавшись, когда темная уйдет, и появляясь из-за густого кустарника. – Терпеть не могу эльфов.

– В твоём роду, Вальери, между прочим, по папеньке были темные, – улыбнулась новой гостье высокая красавица. – Иногда мне кажется, что именно по этой причине женщины в твоём роду всегда имели яйца поувесистей, чем мужики.

– Очень смешно. – Фыркнула бывшая королева, присаживаясь на лавочку.

– Что-то случилось? – Высокая не без интереса посмотрела на старую леди.

– Конечно, случилось. – Старушка поджала губы. – Младшенькая чудит.

– Хм. – Холодная красота озадачилась мыслью, сведя брови на прекрасном личике. – То-то я смотрю, она не распушила хвост на приеме, совершенно на нее не похоже.

– Охо-хонюшки. – Покачала головой старушка, протягивая сложенный листочек бумаги. – На, читай.

По мере прочтения сведенные брови разлетались все выше и выше, стремясь к бесконечности и придавая лицу крайнюю степень удивления.

– Нет, ну надо же! – Высокая красавица встала со своего места, принявшись нервно расхаживать перед старушкой. – Пока мы тут кобелькам молодым твоим хвосты накручивали, у нас успела девочка созреть! Она же совсем еще дитя!

– Да, наша малышка так быстро повзрослела. – Печально покачала головой старушка.

– Она не может так поступать! – Высокая женщина остановилась, топнув ножкой. – У нас планы на нее! Какие еще к демонам могут быть влюбленности?!

– Ну... – Бабулька пожала плечами. – Это такое дело, сама понимаешь...

– Это вот все твоя дурная кровь! – пожурела старушку высокая женщина. – У вас вот все в роду бабы, как кони, хвост задрала и галопом, глаза выпучив!

– Ой, я тебя умоляю, – отмахнулась от ее обвинений старушка. – Думай лучше думать, где ее искать, мой Гансик уже язык на плечо повесил, ни ответа, ни привета от паршивки нет.

– Боги поднебесной! – Женщина рухнула на лавку, закатив глаза. – Кто хоть счастливчик? Кому счастье-то наше, бутончик-то наш не распустившийся достанется?

– Понятия не имею. – Виновато пожала плечами бабушка.

– К кому она последнее время чаще всего бегала, с кем миловалась? Неужто не заметили? – спросила высокая красавица, и обе женщины задумались, каждая про себя прокручивая всевозможные варианты в голове.

– Да вроде ни с кем особо не сюсюкалась, – первой нарушила молчание старушка.

– Знаешь, а ведь мы неправильно смотрим. – Высокая сложила на груди руки, поджав красивые губы. – Она ведь твоей породы, значит, надо смотреть, кого она в последнее время чаще других «шпыняла» и поколачивала.

– Ты вот это прекращай мне! – Насупилась старушка, внезапно встрепенувшись, словно догадавшись о чем-то. – Слушай! А ведь ты права!

– Ну говори, не томи! – Та ухватила бабушку за руку.

– Ульрих! – Сверкнула глазами бывшая королева.

– Да иди ты! – Округлила глаза красавица.

– Ты это мне, господин император, не забывайся... – Старушка нахмурила брови. – Он, между прочим, и дня не проходило, чтобы не жаловался на Катрин, колошматившую его почем зря.

– Вот видишь, опять ты все по-своему сделала и не послушала меня! – Императрица обвиняюще покачала головой. – Говорила тебе, держи мальчика у Ваггета, нет, тебе надо было припереть его во дворец!

– Ну ладно-ладно, хватит зудеть, из нас двоих, между прочим, я старая и ворчливая должна быть, – пошла на перемирие бабуля. – Лучше подумай, где их можно найти? Огромный город, они просто растворились в нем, даже ума не приложу, как их искать.

– Ну-у... – Император откинулся на спинку лавки, задумчиво рассматривая совсем уж стемневший небосвод с первыми робкими блесками звездочек. – Ульриха не так уж легко потерять, парень просто притягивает неприятности.

Тихо.

Ни листочек, ни травиночка не шелохнутся, день ушел на покой, оставив землю во власти непроглядной ночи...

– Что это? – первой встрепенулась старушка.

– На салют похоже, – робко предположила императрица, наблюдая вереницу сверкающих искр, взлетающих в небо.

– Демоны преисподней! – выругалась старушка. – А им, похоже, там весело!

– Да уж... – протянула императрица. – А ты боялась, что не найдем.

– Ты бы сходила... – Шмыгнула носом старушка. – Присмотри за молодежью, а я пока Ганса кликну, чтобы, стало быть, порядочек там за ними навел.

* * *

Четко помню, что Гердскольды начали пить еще в камере участка стражей правопорядка. Как они достали вино, будучи запертыми, под замком – загадка. Впрочем, как и то, каким образом нас выпустили всех скопом на свободу. Хотя скорее всего это произошло из-за громкого смеха заключенных и кидания в стражников через решетку всевозможными предметами. Правда, братья все же всунули старшему офицеру что-то на лапу, ведь не из воздуха же им вино доставалось?

Само знакомство принцессы и бесшабашной молодецкой удали с севера в лице Рамуса и Трима прошло на ура. Они откровенно стояли друг дружки, ибо гоготали, топотали, орали и угнетали своим весельем всех в радиусе нескольких сотен метров на равных. Причем

принцесса явно вызывала неподдельное уважение братьев своим заводным характером, а уж когда она залпом засадила глиняную кружку неразбавленного вина, стала вообще своей в доску и теперь величалась не иначе как сестричкой.

Сестричка же отрывалась по полной. Братья тоже. Мне же не давали скучать, причем братья, зная толк в спаивании, давили на небезызвестные аргументы типа: «Давай за встречу», «Давай за знакомство» и старое, доброе, как мир «Ты меня уважаешь?»

Мы плясали в кабаке, мы плясали на улице, а потом уже опять в каком-то кабаке. Мы все любили друг друга беззаветно, обнимаясь, икая и лопоча какую-то несусразицу. А потом мы с кем-то дрались, и если я благоразумно прятался за спинами Гердскольдов, громко улюлюкавших и подзадоривавших потасовку, то наша принцесса расквасила кому-то нос, лихо подпрыгнув и зарядив с ноги своему оппоненту прямо в лицо. Она, конечно, и сама потом хряснулась спиной об пол, но братья посчитали это победой, особенно если учесть, что наша принцесса дралась с каким-то смурным парнем, пытавшимся сделать нам замечание, дабы мы вели себя потише.

Предчувствуя пятой точкой, что сей треш, угар и содомия скорей всего затянутся далеко за... Я периодически, когда за мной не следили, выливал под стол вино и даже уже дважды отходил в сторонку, дабы всунуть два пальца в рот. А что вы хотите? Кто-то же должен из этих троих был хотя бы частично сохранять зачатки разума, хоть это было и нелегко. Я пытался магически купировать алкоголь, я периодически брался за свой организм то так, то эдак, возвращая его к жизни, но бой шел не на жизнь, а на смерть. Гердскольды не люди. Подозреваю, что лоси. Возможно, кони, но никак не люди. Мы все пили и пили и пили, плясали, орали, кидались всякой фигней от жареной курицы до туфель принцессы, и в какой-то момент, который я пропустил, видимо прозвучало сакраментальное: «Господа! А не поехать ли нам в нумера?!» Потому как меня вырвали из нанятого экипажа, а потом всей толпой пытались оторвать от мостовой, дабы обратно засунуть в нанятый возок, запряженный двойкой лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.